МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

НАСТАВЛЕНІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА I.

О ФИГУРАХЪ.

I. Чѣмъ разнятся фигуры отъ Троповъ. II. Что есть фигура. Фигуры состоятъ или въ мысляхъ, или въ словахъ. III. Фигуры, въ мысляхъ состоящія, усиливаютъ и доказательства, и движутъ страсти.

I. Въ предъидущей книгѣ говорили мы о Тропахъ; теперь слѣдуетъ сказать нѣчто о фигурахъ, которыя у Грековъ называются *Схемата*. Сего требуетъ естественный порядокъ. Ибо многіе не отличали фигуръ отъ Троповъ, или по тому, что сіи получили свое названіе отъ нѣкоего особеннаго оборота, или для того, что они нѣкоторымъ образомъ измѣняютъ рѣчь нашу,

и производятъ въ ней ощутительную перемѣну. Признаться надобно, что и другое свойство находится въ фигурахъ. Цѣль ихъ также одинакова, поелику употребляются для приданія большей силы мыслямъ и большей пріятности слову. Есть и такіе Писатели, кои Тропамъ присвояютъ имя фигуръ.... По чему и надлежитъ яснѣе показать разность ихъ между собою. Итакъ Тропъ есть слововыраженіе, отъ естественнаго и главнаго знаменованія на другое перенесенное, для красоты рѣчи: или, какъ многіе изъ Грамматиковъ опредѣляютъ, есть реченіе, съ того мѣста, которое оному свойственно, перенесенное на мѣсто ему несвойственное. А фигура, какъ и самое названіе ея показываетъ, есть нѣкоторый оборотъ рѣчи, отъ общаго и обыкновеннаго образа изъясненія мыслей отступающій. По сему въ Тропахъ однѣ слова замѣняются другими словами.... Въ фигурахъ же не въ томъ дѣло. Ибо фигура можетъ состоять изъ словъ собственныхъ и въ своемъ порядкѣ поставленныхъ.

II. Между Писателями происходятъ великіе споры и о точномъ знаменованіи имени, и о числѣ родовъ, и о количествѣ видовъ фигуръ. Итакъ начнемъ съ того, что̀ надлежитъ разумѣть подъ именемъ фигуры, и какъ ее употреблять. Она есть или нѣкая форма мысли, какъ и въ тѣлахъ, изъ чего бы онѣ сложены ни были,

всегда видится какая ни есть отмѣна въ ихъ наружности; или, что собственно *Схемою* называется; составляетъ нѣкоторый оборотъ въ мысляхъ и выраженіи, вопреки простому и общему образу съ намѣреніемъ сдѣланный: и оборотъ сей не долженъ быть одинаковъ, такъ какъ и тѣло не можетъ быть въ одномъ положеніи: иногда сидимъ, иногда наклоняемся, иногда оборачиваемся. По чему кто въ сочиненіи своемъ всегда или слишкомъ часто употребляетъ тѣ же падежи, тѣ же времена, тѣ же числа, или тоже паденіе словъ, тому совѣтуемъ перемѣнять фигуры для избѣжанія сего непріятнаго единообразія. Въ противномъ случаѣ рѣчь наша походила бы на одну фигуру, подобно какъ бы бѣжать, лежать, наклоняться, представляло одно положеніе тѣла. По сей причинѣ въ первомъ и общемъ смыслѣ ничего бы не было безъ особенной фигуры.

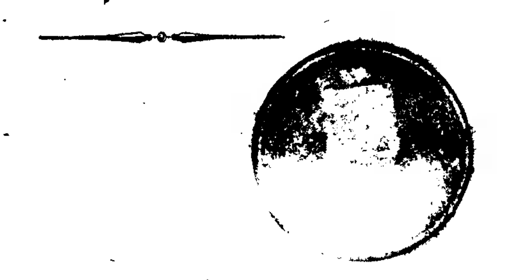
Но ежели измѣненіе мыслей и выраженій можно уподобить движеніямъ тѣла, то назовемъ фигурою все то, что̀ посредствомъ Піитическаго или Риторическаго оборота, отъ простаго и обыкновеннаго образа удаляется. И тогда можно будетъ справедливо сказать, что есть рѣчи безъ всякихъ фигуръ, и это есть немаловажный недостатокъ: и есть рѣчи съ фигурами. . . , Слѣдо-

вательно фигура есть новый и необыкновенный образъ выражать мысли....

Итакъ полагается два рода фигуръ: однѣ состоятъ въ мысляхъ, другія въ выраженіи мыслей. Почему какъ всякая рѣчь, такъ и фигуры зависятъ отъ мыслей и словъ.

III. Но какъ по естественному порядку надобно прежде понять вещь, а потомъ уже выразить, то и слѣдуетъ говорить напередъ о тѣхъ фигурахъ, которыя относятся къ разуму: польза отъ нихъ такъ велика, такъ многообразна, что во всякомъ родѣ Краснорѣчія весьма ощутительна. Ибо, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судебной рѣчи, какъ-то при доводахъ, кажется, и не нужно прибѣгать къ фигурамъ, однако онѣ много способствуютъ къ пріобрѣтенію довѣрія къ словамъ нашимъ, и въ умы судей вкрадываются непримѣтнымъ образомъ. Какъ въ шпажномъ бою прямо направленные удары и видѣть и отводить удобнѣе, а напротивъ отъ наносимыхъ со скрытною уловкою труднѣе остеречься; ибо въ томъ и состоитъ искуство, чтобы показывать иное, нежели чего хотимъ: такъ и рѣчь безъ искуственныхъ пособій сражается своею собственною силою и открытымъ стремленіемъ; притворяя же и разнообразя свои усилія, и съ боку и съ тылу нападаетъ на соперника, и обращаетъ все его вниманіе на одну сто-

рону тѣла, дабы поразить его съ другой. Ничѣмъ столько не управляются страсти. Ибо ежели лице, глаза, руки производятъ великое дѣйствіе надъ умами, то сколь сильно подѣйствовать должна рѣчь, когда будетъ она точно соразмѣрена цѣли, какой достигнуть мы предположили? Однако фигуры сіи служатъ наиболѣе къ оказанію доброй нравственности Оратора, къ предупрежденію судей въ пользу защищаемаго дѣла, къ удаленію въ слушателяхъ скуки посредствомъ пріятнаго разнообразія, и наконецъ къ наблюденію въ рѣчи потребной иногда благопристойности или нужной предосторожности....

ГЛАВА II.

О ФИГУРАХЪ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ВЪ МЫСЛЯХЪ.

I. Фигуры, служащія къ утвержденію: Вопрошеніе. Пролепсисъ или Предвареніе. Сомнѣніе. Сообщеніе. Поддержаніе. Позволеніе. II. Фигуры, способствующія къ движенію страстей: Восклицаніе. Parrisia или вольность въ рѣчахъ. Просопопея. Apostrophe или обращеніе. Ипотипозисъ. Иронія. Апозіопезисъ. Ethopeja. Прикрытіе хитрости. Emphasis. III. Что есть Схема: она употребляется въ трехъ случаяхъ: 1) *Когда нельзя чего-либо сказать прямо, не подвергнувъ себя опасности; или сказать неблагопристойно;* 2) *Когда требуетъ красота рѣчи.*

I. Начнемъ съ тѣхъ фигуръ, которыя дѣлаютъ доводы разительнѣйшими: есть простый образъ вопрошать, какъ:

Sed vos qui tandem? Quibus aut venistis ab oris.

(1. Aen. 369).

Но вы изъ коихъ странъ? Куда вамъ путь?

Въ фигурахъ же вопросъ дѣлается не для полученія отвѣта, а для убѣжденія того, къ кому онъ обращается; напримѣръ: *На кого обнаженный мечь твой, Туберонъ, устремлялся на Фарсальскомъ сраженіи? Кого поразить хотѣлъ?* и проч. Или: *Доколѣ наконецъ, Катилина, будешь во зло употреблять терпѣніе наше?* Или: *Развѣ ты не чувствуешь, что всѣ злоумышленія твои обнаружены?* Ибо сіе гораздо сильнѣе, нежели сказать просто: *Ты давно уже употребляешь во зло терпѣніе наше:* или, *Обнаружились твои злоумышленія.* Иногда вопрошаемъ для того, чтобъ сдѣлать ненавистнѣе лице, къ коему съ вопросомъ обращаемся, какъ у Сенеки говоритъ Медея:

Quas peti terras jubes?

Въ какія страны удалиться мнѣ прикажешь?

Иногда для возбужденія состраданія къ себѣ, какъ дѣлаетъ Синонъ у Виргилія:

Heu quae me tellus, inquit, quae me aequora possunt
Accipere? (2. Aen. 69.)

О горе! возопилъ, гдѣ, гдѣ въ разверсту землю
Сокроюся отъ бѣдъ, которы я подъемлю?
Въ какихъ моряхъ мнѣ жизнь, повергшись, прекратить?

Словомъ: фигура сія различно употребляется: и при негодованіи:

....Et quisquam numen Junonis adoret? (1. Aen. 52.)

Кто станетъ впредь мольбы къ Юнонѣ возсылать?

И при удивленіи:

....Quid non mortalia pectora cogis,

Auri sacra fames!.... (3. Aen. 56.)

Проклятый злата блескъ, на кою злость и студъ

Прельщенные тобой словесны не дерзнутъ?

И при строжайшемъ приказаніи:

Non arma expedient, totaque ex urbe sequentur?

(4. Aen. 592.)

Самые отвѣты могутъ заключать въ себѣ нѣкоторую фигуру, когда даются на вопросы косвенно, но сходно съ намѣреніемъ отвѣтствующаго. Для увеличенія преступленія, напримѣръ, вопрошенный истецъ, не билъ ли его обвиняемый палкою? *Даже безъ всякой причины,* отвѣчаетъ. Или, что чаще случается, для умаленія вины своей: Спрашиваю, ты убилъ человѣка? *Да,* отвѣтствуется, *убилъ разбойника.* Правда ли, что ты владѣешь такимъ-то имѣніемъ? *Правда, владѣю моею собственностію....*

Впрочемъ, и вопрошая самихъ себя и самимъ себѣ отвѣчая, дѣлаемъ рѣчь довольно пріятною; такую фигуру употребилъ Цицеронъ въ рѣчи своей за Лигарія: *Предъ кѣмъ я сіе говорю? Предъ Цезаремъ, который, зная все то въ подробности, возвратилъ меня Республикѣ прежде, нежели видѣлъ меня.* И еще, говоря за Целія, предлагаетъ умышленно себѣ вопросъ: *Кто либо скажетъ, итакъ вотъ твои правила нравствен-*

ности? Такъ-то наставляешь юношество? и проч. Потомъ отвѣчаетъ: *Я, судіи, ежели былъ кто имѣетъ столько твердъ духомъ, столько приверженъ къ добродѣтели и воздержанію,* и проч. Но иное есть, когда вопросивъ кого и не дожидаясь отвѣта, тотчасъ прибавляемъ что нибудь въ опроверженіе, напримѣръ: *Ты не имѣлъ дому? Но у тебя былъ домъ; ты богатъ былъ деньгами? Но ты въ нихъ нуждался.* Сію фигуру называютъ нѣкоторые *subjectio*....

Въ судныхъ рѣчахъ великимъ пособіемъ есть *Предвареніе*, *πρόληψις*, т. е. когда сами предупреждаемъ возраженія, какія могли бы намъ сдѣланы быть отъ соперника. Фигура сія употребляется съ выгодою во всѣхъ частяхъ рѣчи, особенно же въ Приступѣ....

Также и *Сомнѣніе*, Dubitatio, раждаетъ нѣкоторое довѣріе къ словамъ нашимъ, когда показываемъ притворное недоумѣніе, съ чего начать, чѣмъ кончить, что говорить или что умолчать. Примѣровъ сему множество повсюду; здѣсь и одного довольно: *Что касается до меня, Судіи, я по истинѣ не знаю, куда обратиться. Отрицать ли мнѣ, что Судіи безчестнымъ образомъ преклонились на подкупъ,* и проч....

На сію фигуру походитъ другая, называемая *Сообщеніе*, Communicatio, когда или съ самими соперниками совѣтуемся, какъ дѣлаетъ Домицій

Аферъ, защищая Клоантиллу: *Въ такомъ слученіи, не знаетъ она, какъ можно женщинѣ поступить въ подобномъ случаѣ, и какъ приличнѣе супругѣ: можетъ быть случай собралъ васъ здѣсь для того, чтобъ вывести ее изъ сего затрудненія. Ты братъ ея, и вы друзья отца ея, что ей присовѣтуете?* Или какъ бы разсуждаемъ съ судьями; и сіе всего чаще случается: *Что дѣлать совѣтуете? Васъ вопрошаю, что надлежало тогда дѣлать?* Или какъ говоритъ Катонъ: *Скажите мнѣ, судіи, что иное сдѣлали бы вы, будучи на его мѣстѣ?* И на другомъ мѣстѣ: *Вѣдайте, судіи, что дѣло идетъ объ общей вашей пользѣ, и что вы въ немъ главныя лица.*

Но иногда, обращаясь такимъ образомъ къ слушателямъ, и оставляя ихъ на нѣкоторое время въ недоумѣніи, прибавляемъ что нибудь неожиданное; и сіе есть также фигура, какъ у Цицерона противъ Верреса: *Что думаете вы, сдѣлалъ этотъ человѣкъ? Что, предполагаете, можетъ быть, какое нибудь хищеніе, какой нибудь грабежъ, насиліе?* И оставивъ судей въ ожиданіи дальнѣйшихъ уликъ, присовокупляетъ потомъ важнѣйшія преступленія. Цельсъ называетъ сіе *Разстановкою, Sustentatio.* Она бываетъ двоякимъ образомъ: ибо часто заставивъ ждать чего нибудь достойнѣйшаго вниманія, оканчиваемъ какою нибудь малостію, или дѣйствіемъ ни мало

не зазорнымъ. И какъ сіе дѣлается иногда безъ всякаго предваренія слушателей; то нѣкоторые такой оборотъ рѣчи называютъ *Нечаянностію*...

Позволеніе или *Уступленіе* почти тоже имѣетъ основаніе, какъ и Сообщеніе; поелику оставляемъ тогда нѣчто на разсужденіе самимъ судьямъ, а иногда и противникамъ....

II. Фигуры же, къ движенію страстей способствующія, состоятъ большею частію изъ притворнаго или вымышленнаго сказанія. Ибо притворно показываемъ и гнѣвъ, и радость, и страхъ, и удивленіе, и скорбь, и негодованіе, и желаніе, и прочія симъ подобныя чувствія. Отсюда выраженія: *Наконецъ я развязанъ; чувствую душевное облегченіе.* (Pro Mil. 47.) И, *Хорошо, дѣло идетъ порядкомъ.* (Pro Mur. 14.) И, *Какое безуміе.* И, *О времена! о нравы!* (1. Catil. 2.) *О я несчастный! Не стало слезъ, а скорбь терзаетъ мое сердце* (2. Philip. 64.). Нѣкоторые называютъ сіе *Восклицаніемъ*, и относятъ къ фигурамъ словоыраженія. Ежели такія восклицанія происходятъ отъ истиннаго чувствія, то нельзя назвать ихъ фигурами въ томъ смыслѣ, въ какомъ здѣсь разумѣемъ: но ежели онѣ притворны, и подражаютъ только естественнымъ духа движеніямъ, то будутъ слѣдствіемъ искуства, и безъ сомнѣнія должны считаться въ числѣ фигуръ.

Тоже можно сказать о слововыраженіи смѣломъ, которое Корнифицій называетъ благородною вольностію, а Греки *παῤῥησια*. Ибо что можетъ походить меньше, какъ прямая въ рѣчи свобода? Но часто подъ нею скрывается ласкательство. Напримѣръ, Цицеронъ, говоря за Лигарія (N. 7.) въ сихъ выраженіяхъ: *Война была предпріята, и уже нѣсколько времени продолжалась; и я, не по чьему либо наущенію, но по собственной волѣ и разсужденію, принялъ противъ тебя, Цезарь, оружіе вмѣстѣ съ прочими;* не столько имѣлъ въ виду пользу Лигарія, сколько хотѣлъ похвалить милосердіе побѣдителя. А когда говоритъ (N. 10.): *И съ какимъ намѣреніемъ вооружались мы противъ Цезаря, если не съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи тоже сдѣлать, что Цезарь нынѣ можетъ?* Здѣсь съ удивительнымъ искусствомъ оправдываетъ ту и другую сторону; но симъ самымъ преклоняетъ Цезаря, коего дѣйствіе въ самой вещи было противозаконно.

Есть фигуры еще сильнѣйшія и требующія, по мнѣнію Цицерона, гораздо большей силы: это суть представленія или выводы на сцену лицъ отсутствующихъ; что называется *Прозопопеею.* Отъ нихъ рѣчь получаетъ и живость и разнообразіе. Ими обнаруживаемъ мысли нашихъ соперниковъ, какъ бы взаимно другъ другу сообщающихъ оныя: но, представляя лица ихъ, над-

лежитъ говорить такъ, чтобъ не отступить отъ правдоподобія, и не сказать того, чего въ умѣ ихъ предположить не можно. Иногда, наблюдая тоже правдоподобіе, къ рѣчамъ другимъ прибавляемъ и свои собственныя. Иногда же, чтобъ придать болѣе силы совѣту, укоризнѣ, жалобѣ, похвалѣ или состраданію, мы влагаемъ ихъ въ уста лицъ, которымъ онѣ кажутся пристойнѣе. Въ семъ родѣ Краснорѣчія позволительно даже выводить на сцену боговъ и изъ гробовъ вызывать мертвыхъ. Можемъ также города и цѣлые народы представлять говорящими.

Но въ послѣднихъ случаяхъ, какъ не естественныхъ, фигура сія смягчается. Вотъ примѣръ у Цицерона: *Ежели со мною Отечество, которое дороже мнѣ моей жизни, ежели цѣлая Италія, ежели вся Республика говоритъ мнѣ: Что ты дѣлаешь, Тулліи?* и проч. Слѣдующая фигура еще смѣлѣе: *Отечество обращается къ тебѣ, Катилина, и какъ бы въ молчаніи вѣщаетъ: Уже съ древнихъ временъ не слыхано было о таковомъ злодѣяніи, каково тобою совершается.* Иногда мы притворяемся, что нѣкоторые образы лицъ или вещей имѣемъ предъ своими глазами, и будто удивляемся, почему не видятъ ихъ или судіи или противники наши, и употребляемъ выраженія: *Видится мнѣ:* и, *не уже ли вамъ не представляется?* Но для сего потребна великая

сила Краснорѣчія. Надобно, чтобъ все чрезвычайное и по существу своему неимовѣрное болѣе трогало, поелику превышаетъ истину, или обращается въ пустословіе, поелику не походитъ на правду....

Часто дается также форма и видъ вещамъ, ихъ не имѣющимъ; какъ у Виргилія, Молвѣ; у Продика, Сластолюбію и Добродѣтели, какъ читаемъ въ Ксенофонтѣ; у Еннія, въ Сатирѣ, Смерть и Жизнь представляются борющимися между собою....

Обращеніе, *Apostrophe*, дѣлаетъ весьма живое впечатлѣніе, когда Ораторъ, перестава на время говорить къ судьямъ, устремляетъ рѣчь свою или къ сопернику: *Скажи, Туберонъ, на кого ты обнажилъ мечь твой во время Фарсальской битвы?* Или когда дѣлаетъ нѣкоторое къ кому ни есть и чему ни есть воззваніе: *Васъ нынѣ призываю, васъ, священныя гробницы и дубравы Албанскія*; Или когда чрезъ напоминаніе о законѣ хочетъ усугубить ненависть къ нарушителю онаго: *О мудрые Законы Порціевы! О Законы Семпроніевы!*...

Представленіе, какъ выражается Цицеронъ, предметовъ предъ самыя очи, обыкновенно дѣлается тогда, когда вмѣсто того, чтобы просто сказать о какомъ-либо произшествіи, исчисляемъ даже подробности, коими оно сопровож-

далось. Я говорилъ о сей статьѣ въ предъидущей книгѣ, назвавъ ее *Изъясненіемъ*, да и Цельсъ даетъ тоже имя сей фигурѣ. Иные называютъ *Ипотипозисомъ*, то есть изображеніемъ вещей или дѣйствій, толь живо представленнымъ словами, что намъ кажется, будто не столько объ нихъ слышимъ, сколько видимъ ихъ передъ собою. *Воспламененный злобою и неистовствомъ* (7. Verr. 105—160.) *приходитъ въ судилище: сверкали глаза: на всемъ лицѣ лютость изображалась.* Представляемъ дѣянія не только прошедшія или настоящія, но и какія будутъ или какія быть бы могли. Цицеронъ показалъ намъ прекрасный сему примѣръ въ рѣчи за Милона, когда описываетъ послѣдствія, если бы Клодій завладѣлъ Претурою...

Слѣдуетъ *Иронія*. Ее называютъ нѣкоторые *Притворствомъ*, *Dissimulatio.* Но какъ слово сіе не означаетъ, кажется, всей силы и пространства фигуры, то и удовольствуемся здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, Греческимъ наименованіемъ. Итакъ Иронія, какъ фигура, отъ Ироніи тропа, по роду своему не много разнится: ибо въ той и другой должно разумѣть противное тому, что говоримъ. Но разсмотрѣвъ внимательнѣе виды, увидимъ легко, что онѣ различны между собою.

И во первыхъ, Тропъ понимается удобнѣе; и хотя въ немъ иное говоримъ, и иное мыслимъ, однако не такъ скрытно; поелику все почти имѣетъ собственное знаменованіе. Напримѣръ, въ сихъ словахъ Цицерона къ Катилинѣ: *Метеллъ не хотѣлъ имѣть тебя при себѣ; ты перешелъ къ другу своему Марцеллу, мужу предостойному,* вся Иронія состоитъ изъ двухъ только, *мужу предостойному:* слѣдовательно Тропъ есть и короче. Въ фигурѣ же находится умышленная скрытность, которая примѣчается паче, нежели сама себя обнаруживаетъ; такъ что тамъ однѣ слова другимъ словамъ, а здѣсь мысли словамъ противуполагаются; и иногда цѣлое производство дѣла, даже цѣлая жизнь кажется Ироніею, какъ жизнь Сократа. Почему и названъ онъ *Ирон︠икомъ,* то есть притворяющимъ себя невѣждою, и являющимъ удивленіе къ другимъ, будто бы мудрѣйшимъ его. Словомъ, какъ Аллегорію составляетъ продолженная Метафора, такъ и Иронія дѣлается фигурою отъ соединенія троповъ сего рода....

Иронія есть и то, когда дѣлаемъ видъ, будто бы приказываемъ или повелѣваемъ, а въ самомъ дѣлѣ не желаемъ того:

I, sequere Italiam ventis. (4. Aen. 381.)

Несись въ Италію сквозь бурныя погоды.

И когда уступаемъ сопернику такое преимущество, котораго найти въ немъ не желаемъ. Сія фигура бываетъ тѣмъ разительнѣе, чѣмъ болѣе тѣхъ качествъ, коихъ онъ не имѣетъ, въ нихъ находится:

. . . . . . Meque timoris
Argue tu, Drance, quando tot caedis acervos
Teucrorum tua dextra dedit. (11. Aen. 384.)
И робости меня безчестіемъ клейми,
Ты, кой мечемъ своимъ толпы повергъ злодѣевъ.

Или напротивъ, когда беремъ на свой счетъ такую ошибку, коей не сдѣлали, и отъ коей стыдъ падаетъ на противника; какъ Юнона говоритъ Венерѣ:

Me duce, Dardanius Spartam expugnavit adulter.
Троянскій любодѣй. . . . . (10. Aen. 92.)
И Спарту мною же насильственно ограбилъ?

Не только въ разсужденіи лицъ, но и въ разсужденіи вещей, такіе обороты употребляются: примѣромъ служитъ весь приступъ въ рѣчи Цицерона за Лигарія; равно и слѣдующее восклицаніе:

Scilicet is superis labor est! . . . (4. Aen. 379.)
Да, заботятся о семъ безсмертные боги.

Апозіопезисъ, которую Цицеронъ называетъ *Умолчаніемъ*, служитъ также много къ выраженію страстей, и особенно гнѣва, какъ у Виргилія:

Quos ego. . . sed motos praestat componere fluctus.
(1. Aen. 135.)
Я васъ . . . но напередъ я море успокою.

Или къ означенію безпокойства, какъ бы совѣсть нашу возмущающаго; напримѣръ: *Дерзнулъ ли бы онъ при жизни Милона, не говорю, при его консульствѣ, упомянуть о томъ Законѣ, постановленіе коего тщеславно приписываетъ себѣ Клодій? Ибо что до всѣхъ насъ касается. . . . Всего сказать не смѣю.* Подобную фигуру употребилъ Димосѳенъ въ приступѣ рѣчи своей за Ктезифонта. . . .

Подражаніе чужимъ нравамъ, которое иные называютъ *Иѳопеею*, другіе *Мимезисъ* (подражаніе, передражниваніе въ словахъ и тѣлодвиженіи другаго) можетъ почесться въ числѣ слабѣйшихъ фигуръ; ибо состоитъ почти въ одномъ уклоненіи отъ ударовъ соперника: но оно заключается и въ дѣлахъ и сказаніяхъ: когда представляетъ дѣла, тогда много походитъ на *Ипотипозисъ;* а если относится до сказаній, мы находимъ примѣръ у Теренція, когда Федрія повторяетъ слова Таисы: *Я не знала, куда ты денешься. Малютка эта приведена сюда; мать моя воспитала ее, какъ дочь свою; я называла ее сестрою; хочу наконецъ отдать ее опять родителямъ. . . .*

Не малую красоту придаютъ рѣчи, и доказываютъ искуство Оратора и тѣ умышленные, многообразные обороты, по которымъ слушатель заключить можетъ, что мы говоримъ безъ пріуготовленія, безъ хитрости, и потому

дѣлаюшъ насъ предъ судьею не столько подозрительными. Такимъ образомъ иногда будто жалѣемъ о сказанномъ, какъ у Цицерона за Целія: *Но почто я привожу толь важную особу?* И даже запросто говоримъ: *Это сорвалось у меня съ языка.* Иногда будто ищемъ, что̀ сказать надобно: *Что же потомъ? Не пропустилъ ли я чего?* Иногда будто невзначай и случайно припамятываемъ что-либо; какъ Цицеронъ противъ Верреса: *Мнѣ пришло на мысль еще о другомъ сего же рода злодѣяніи донести вамъ, судіи.* И на иномъ мѣстѣ: *Одно преступленіе приводитъ мнѣ на память и другое.*

Симъ способомъ дѣлаются также приличные переходы отъ одной матеріи къ другой: впрочемъ переходы сіи сами по себѣ не составляютъ фигуры. Цицеронъ, расказавъ, какъ Пизонъ, засѣдая въ судилищѣ, приказывалъ золотыхъ дѣлъ мастеру сдѣлать для себя кольцо, и какъ будто бы сей случай другой подобный, прибавилъ (6. Verr. 57.): *Теперь Пизоново оное кольцо напомнило мнѣ то, что совсѣмъ было изъ головы вышло. Сколько, вы думаете, судіи, снялъ Пизонъ золотыхъ колецъ съ перстовъ людей честныхъ?* Иногда показываемъ притворное о чемъниесть невѣденіе: *Но кто дѣлалъ сіи статуи? Кто? Ты правду говоришь: ихъ дѣлалъ, сказываютъ, Поликлетъ.* Не сіе одно употребленіе оной фигуры. Часто ка-

жется намъ, что Ораторъ имѣетъ такое намѣреніе, а между тѣмъ у него совсѣмъ другое, какъ здѣсь у Цицерона: онъ, упрекая Верреса страстію къ статуямъ и картинамъ, старается чрезъ то устранить и отъ себя самаго подозрѣніе въ подобной же слабости. И когда Димосѳенъ (*) клянется тѣнями воиновъ, падшихъ при Мараѳонѣ и Саламинѣ, для того, чтобъ уменшить болѣзнованіе Аѳинянъ о пораженіи ихъ при Херонеѣ....

Между фигурами считается также *Емфазисъ*, когда кроется въ рѣчи нѣчто болѣе, нежели сказано; какъ у Виргилія:

Non licuit thalami expertem sine crimine vitam
Degere more ferae?.... (4. Aen. 550.)
Ахъ! лучшебъ сердца вновь къ любви не пріучать!
Пустынымъ лучше бы мнѣ звѣремъ одичать.

Ибо здѣсь хотя и жалуется Дидона на замужество, однако страсть ея такъ сильна, что безбрачное состояніе почитаетъ приличнымъ болѣе звѣрямъ, нежели людямъ. Такую же фигуру находимъ у Овидія, гдѣ Мирра признается своей кормилицѣ, что влюблена въ собственнаго отца своего, и восклицаетъ, говоря о своей матери:

О сколь она счастлива такимъ супругомъ!

(*) Извѣстно, что во время сраженія при Херонеѣ, онъ, бросивъ щитъ и оружіе, бѣжалъ постыдно.

III. Къ сей близка, и почти таже самая есть фигура, которая нынѣ въ наибольшемъ употребленіи. Она сдѣлалась столько обыкновенною между нами, что читатель, кажется, давно уже ожидаетъ моего объ ней разсужденія: мы хотимъ, чтобы нѣкоторою догадкою доходили до того, что есть у насъ на умѣ. Я разумѣю здѣсь не противное нѣчто тому, что говоримъ, какъ въ Ироніи, но нѣкій скрытый смыслъ, который какъ бы самому слушателю находить надлежало. Наши Декламаторы почти иныхъ фигуръ и не признаютъ; отсюда у нихъ и раждаются Состязанія (controversiae), изъ однѣхъ фигуръ состоящія. Она употребляется въ трехъ случаяхъ: или когда опасно объявлять прямо наши мысли; или когда сдѣлать сіе не позволяетъ благопристойность; или когда хотимъ рѣчи своей придать болѣе пріятности, поелику новость и разнообразіе обыкновенно бываетъ привлекательнѣе, нежели простота и прямый образъ выраженій.

1) Первый изъ сихъ случаевъ имѣетъ мѣсто по большей части въ училищахъ... Но Ораторы, при отправленіи должностей своихъ, еще не имѣли доселѣ нужды въ такой предосторожности; однако и имъ предстоитъ иногда затрудненіе подобнаго же рода: то есть, иногда не могутъ одержать верьха надъ соперникомъ, не оскорбивъ какого нибудь сильнаго лица, коего выгоды тре-

буюшъ совсѣмъ прошивнаго. Для сего-шо нужно великое благоразуміе и осторожность, дабы не оскорбишь кого; ибо оскорбленіе, какимъ образомъ ни было сдѣлано, всегда остается оскорбленіемъ. При шомъ же и фигура, коль скоро слишкомъ вразумишельна, шеряешъ все свое достоинство. По чему нѣкошорые совсѣм отвергаюшъ пособіе сихъ фигуръ, хошя бы онѣ ясны или неясны были. Но вездѣ есть средина. И вопервыхъ, онѣ не должны бышь слишкомъ открышы или видимы. Въ нихъ не будешъ сего недостатка, если не станемъ основывашь ихъ на выраженіяхъ обоюдныхъ и двусмысленныхъ; какъ, напримѣръ, сказанное о снохѣ, подозрѣваемой о непозволенной связи съ своимъ свекромъ: *Я женился на шакой дѣвушкѣ, которая понравилась моему ошцу.* Это говорилъ сынъ... Надобно, чшобы само дѣло внушало судьѣ догадку; оставимъ всякое другое намеканіе; для большаго же вразумленія можемъ прибѣгнушь къ какому ни есть сильному душевному чувствованію, прервашь молчаніемъ рѣчь, или употребишь въ ней приличныя разстановки. Такимъ образомъ пусть судья чего-шо ищешъ самъ, чему, можешъ бышь, не повѣрилъ, если бы шо онъ насъ услышалъ; и ко всему шому, чшо придешъ ему самому въ голову, имѣешъ болѣе вѣры.

Но фигуры сіи, при всей своей тонкости, не должны быть учащаемы. Ибо самою, если можно такъ сказать, густотою своею себя обнаруживаютъ, и тѣмъ паче бываютъ оскорбительнѣе. Скрытность или двусмысленность въ словахъ, не благоразуміе и осторожность, но болѣе недовѣрчивость нашу означаютъ. Словомъ, фигуры сіи производятъ надъ судьею тѣмъ болѣе дѣйствія, чѣмъ менѣе подозрѣваетъ, что мы употребляемъ ихъ съ намѣреніемъ. Къ нимъ прибѣгать можно не только относительно къ лицамъ, но и относительно къ вещамъ, которыхъ не льзя получить иначе, какъ сею невинною уловкою. Я защищалъ нѣкогда въ судѣ женщину, въ поддѣланіи духовной своего мужа по его смерти. Сказывали, что она, при кончинѣ его, получила отъ наслѣдниковъ запись, коею обязывались они отдать ей имѣніе покойнаго; что и подлинно такъ было. Ибо, какъ женщина сія, по законамъ, не могла остаться прямою наслѣдницею, то и сдѣлано, чтобъ посредствомъ сей тайной довѣренности, возвратить ей мужнее имущество. Легко было поддержать тяжбу; стоило только открыть, какъ все то происходило: но пропадало наслѣдство. Въ семъ случаѣ надлежало поступить такъ, чтобы судьи поняли дѣло, а доносщики, тутъ же присутствовавшіе, не могли бы точно вразумиться въ слова мои. Мнѣ

удалось и то и другое. Я не упомянулъ бы здѣсь о семъ произшествіи, боясь нареканія въ тщеславіи, если бы не хотѣлъ показать, что и въ судебныхъ рѣчахъ такія фигуры могутъ имѣть мѣсто.

Бываютъ обстоятельства, на которыя не льзя найти достаточныхъ доводовъ; въ такомъ случаѣ надлежитъ лучше прибѣгать къ скрытнымъ пособіямъ, и употреблять фигуры съ непримѣтнымъ искуствомъ. Ибо иногда стрѣла, въ расплохъ и тайно пущенная, вонзается тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе полетъ ея былъ видимъ. А иначе, открыто сказанное или встрѣчаетъ возраженіе, или требуетъ доказательства.

2) Въ отношеніи къ лицамъ, коихъ характеръ заслуживаетъ уваженіе, мы должны быть въ рѣчахъ тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ болѣе честный человѣкъ удерживается стыдомъ, нежели страхомъ. Итакъ надобно, чтобъ судья думалъ, что мы многое скрываемъ по скромности, и слова, самою истиною исторгаемыя, умягчать стараемся. Ибо и та общая къ злословію наклонность покажется не столь ненавистною и противнику, и судьямъ, и слушателямъ, когда они увѣрены быть могутъ, что мы говоримъ противъ нашей воли. Да и что въ томъ пользы? Ненужною ясностію обнаруживаемъ только дурное сердце....

Къ сему роду можно причесть и тѣ у Грековъ особенно извѣстныя фигуры, которыми понятія о вещахъ непріятныхъ нѣсколько умягчаются. Такъ Ѳемистоклъ, стараясь преклонить сограждан своихъ оставить Аѳины, совѣтовалъ *поручить городъ богамъ въ охраненіе:* ибо *оставить* заключаетъ мысль прискорбную. И другой, подавая голосъ, чтобъ для поддержанія военныхъ потребностей, золотыя статуи Побѣды обратить въ монету, изъяснился такъ: *Надобно воспользоваться нашими побѣдами.* Все сіе походитъ на Аллегорію: иное говорится, и иное разумѣется.

Теперь спрашивается, какъ отвѣчать на сіи фигуры надобно. Многіе полагаютъ, что съ противной стороны всегда надлежитъ стараться ихъ обнаруживать подобно тому, какъ открываются раны для узнанія источника потаеннаго зла. И дѣйствительно сей способъ есть лучшій. Ибо иначе и поступать не можно, когда фигуры сіи имѣютъ предметомъ сущность всего дѣла. Но, если онѣ заключаютъ въ себѣ только нѣкоторыя черты злорѣчія, то для чистой совѣсти лучше не разумѣть ихъ. А ежели такія фигуры будутъ у противника такъ часты, что намъ не льзя ихъ не замѣтить, тогда позволительно требовать, чтобъ онъ мысли свои, подъ двузначущими выраженіями скры-

наемыя, объявилъ прямо, если смѣетъ, или бы по крайней мѣрѣ не настоялъ во вразумленіи и увѣреніи судей въ томъ, чего онъ сказать не осмѣливается...

3) Третій родъ употребляется при удобномъ случаѣ только для нѣкоторой остроты. И по тому Цицеронъ не считаетъ онаго принадлежащимъ къ пренію соперниковъ. Какъ, напримѣръ, самъ же онъ колетъ Клодія (*) сими словами: *Онъ думалъ, что ему легко умилостивить боговъ, поелику извѣстны ему всѣ жертвоприношенія....* Фигуры же, состоящія въ игрѣ словъ, имѣютъ наименѣе силы, хотя находимъ ихъ и у Цицерона, (Pro Coel. 32.) когда говоритъ о Клодіи: Ее почитали всѣ пріятельницею каждаго паче, нежели чьею либо непріятельницею....

(*) Клодій дерзнулъ пробраться въ домъ, гдѣ Римскія госпожи совершали Тайны *Благой Богини*, и куда входъ мужчинамъ былъ строго запрещенъ.

ГЛАВА III.

О ФИГУРАХЪ РЕЧЕНІЙ.

I. Онѣ двоякаго рода: однѣ Грамматическія; II. Другія Риторическія, и дѣлаются: 1) Чрезъ прибавленіе, и какія именно. 2) Чрезъ отнятіе или убавленіе: слѣдуютъ фигуры сего рода. 3) Чрезъ подобіе, чрезъ сходство и несходство: какія фигуры. III. Употребленіе фигуръ.

I. Фигуры реченій всегда измѣнялись, и нынѣ измѣняются, смотря по вводимому употребленію словъ. И потому, ежели сравнить старинное нарѣчіе съ нашимъ, то каждое почти выраженіе будетъ фигура. Ибо мы имѣемъ множество такихъ, какихъ ни у древнихъ Писателей, ниже у самаго Цицерона не находимъ. Дай Богъ, чтобъ мы не худшими замѣняли! — Впрочемъ фигуры реченій раздѣляются на два рода: къ первому относится собственно всякой образъ рѣчи; а ко второму, рѣчь, въ коей замѣчается уже нѣкоторая изысканность. Хотя оба рода входятъ въ со-

ставъ Краснорѣчія, однако первый лучше называть можно Грамматическимъ, а послѣдній Риторическимъ.

Первый родъ фигуръ раждается изъ того же источника, изъ коего происходятъ и пороки рѣчи. Ибо каждая фигура будетъ порокъ, коль скоро не выискивается, а сама собою приходитъ. Но онѣ оправдываются или извиняются иногда важностію лица, употребившаго ихъ, древностію, особливо привычкою, и часто нѣкоторою основательностію. И для сего, когда отъ простаго и прямаго образа рѣчи уклоняется, дѣлаетъ красоту, коль скоро основывается на сказанныхъ причинахъ. Однако она полезна потому одному, что повсядневное, общее, обыкновенное и единообразный ходъ слова дѣлаетъ не столько скучнымъ, и слогу нашему даетъ видъ отличный отъ простонароднаго нарѣчія. Итакъ умѣренное и умѣстное сей фигуры употребленіе сообщаетъ рѣчи особенную пріятность; а ежели слишкомъ часто будетъ повторяема, то потеряетъ всю пріятность разнообразія. Впрочемъ есть фигуры, съ которыми уже познакомились мы до такой степени, что едва удерживаютъ на себѣ названіе фигуръ, и которыя по сему могутъ быть и чаще употребляемы, не упомляя привыкшаго къ нимъ уха. Ибо и отборныя, отъ общаго употребленія отступающія, а по тому

и благороднѣйшія, сколько возбуждаютъ вниманія своею новостію, столько же избыткомъ своимъ пресыщаютъ слушателя: тогда видимо бываетъ, что онѣ Оратору не сами собою встрѣчаются, имъ отовсюду выискиваются, и цѣлыми кучами направляются къ украшенію рѣчи.

Итакъ фигуры заключаются и въ именахъ. Ибо и *oculis capti talpae*, и *timidae damae* употребляетъ Виргилій, т. е. къ имени существительному женскаго рода приставляетъ, прилагаетъ мужеское: но здѣсь есть причина; поелику существительное означаетъ оба пола: и подъ однимъ названіемъ разумѣются самецъ и самка. И въ глаголахъ: когда глаголъ страдательнаго окончанія поставляется вмѣсто глагола дѣйствительнаго: *Fabricatus est gladium; Inimicos punitus es.* И сіе не удивительно, поелику глаголы по свойству своему часто дѣйствіе выражаютъ, какъ страданіе: *arbitror, suspicor;* и напротивъ, страданіе, какъ дѣйствіе, *vapulo:* почему часто одинъ глаголъ другимъ замѣняется, и тоже самое значитъ: *Luxuriatur, luxuriat; Fluctuatur, fluctuat; Assentior, assentio; Revertor, reverto.* Фигура и въ числахъ: когда единственное число присоединяется ко множественному: *Gladio pugnacissima gens Romani; Воинственный народъ, Римляне.* Ибо *народъ*, слово собирательное, означаетъ множество. И напротивъ: какъ въ Эклогѣ у Виргилія:

....*Quoi non risere parentes,*

Nec deus hunc mensa, dea nec dignata cubili.

Ибо сказавъ: тѣхъ, *кто* не приноситъ удовольствія родителямъ, ни *богъ* стола, ни *богиня* ложа не удостоиваетъ; употребилъ число единственное вмѣсто множественнаго. Иногда превращаемъ части рѣчи; какъ Персей въ Сатирѣ:

....*Et nostrum istud vivere triste*

Aspexi: (Sat. 1. v. 10.)

Здѣсь глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи поставленъ на мѣсто существительнаго имени; и подъ словомъ *vivere, жить* разумѣется *жизнь.* Иногда употребляемъ глаголъ вмѣсто причастія, какъ:

....*Magnum dat ferre talentum.* (5. Aen. 248.)

И причастіе за глаголъ: *Volo datum....*

Сіи и другія подобныя фигуры, которыя дѣлаются или чрезъ перемѣну, или прибавленіе и отнятіе, или переставку одного слова, обращаютъ на себя вниманіе слушателя и не допускаютъ его до разсѣянія въ мысляхъ; ибо самая сближенность ихъ съ недостатками слововыраженія придаетъ имъ нѣкоторую пріятность, какъ въ яствахъ пряная приправа. Но надобно, чтобъ ихъ было не слишкомъ много, чтобъ были не всегда одинакаго рода, и не близко стояли одна подлѣ другой; поелику разнообразіемъ толь-

ко и рѣдкимъ употребленіемъ могутъ не наскучить.

II. Теперь слѣдуютъ важнѣйшія фигуры, которыя состоятъ не только въ правильномъ слововыраженіи, но и самымъ мыслямъ придаютъ силу и пріятность.

1.) Нѣкоторыя изъ нихъ составляются чрезъ удвоеніе или повтореніе (Geminatio). Родовъ ихъ много. Удвояются или повторяются слова иногда для усиленія мысли; какъ (Pro Mil. 72): *Убилъ, убилъ не Спурія Мелія*, и проч. Здѣсь первое *убилъ* намекаетъ только, а второе утверждаетъ. Иногда для означенія соболѣзнованія: *Ахъ Коридонъ, Коридонъ!* и проч. Нерѣдко фигура сія служитъ къ означенію совсѣмъ противнаго въ видѣ Ироніи. Такое же удвоеніе можетъ быть перемѣшано и между другими словами, и тогда бываетъ еще сильнѣе (2. Philip. 64.) *Имѣніе, о стыдъ и поношеніе! имѣніе великаго Помпея продается съ публичнаго торгу....* Или: (1. Catil. 4.) *Ты живешь еще, Катилина, и живешь не для исправленія своего, но для усугубленія твоей продерзости.*

Фигура *Анафора*, *Единоначатіе*, бываетъ, когда для большаго настоянія и убѣжденія. повторяемъ одно слово въ началѣ каждаго періода или мысли: *Уже ли ни ночная стража вокругъ Капитоліи, ни ночные разъѣзды вооруженныхъ*

воиновъ по городу, ни страхъ народа, ни негодованіе людей благомыслящихъ, ни помѣщеніе Сената въ безопаснѣйшее мѣсто, ниже лица и взоры засѣдающихъ въ немъ тебя не трогаютъ.

А когда тѣмъ же словомъ оканчиваемъ, будетъ *Эпистрофе, Единоокончаніе: Кто требовалъ свидѣтелей? Аппій. Кто представилъ ихъ? Аппій* (Pro Mil. 59.) и проч.

Сей послѣдній примѣръ можетъ принадлежать и къ другой фигурѣ, *πλοκὴ* называемой, въ которой тѣми же словами и начинаемъ и оканчиваемъ періодъ: (4. Rhet. 20.) *Кто нарушилъ толикократно мирные договоры? Кареагеняне. Кто внесъ жестокую войну въ сердце Италіи? Кареагеняне. Кто опустошалъ Италію? Кареагеняне. Кто проситъ о прощеніи? Кареагеняне.*

Равно и въ противоположеніяхъ и въ сравненіяхъ отвѣтствуется повтореніемъ одного и того же слова: (Pro Mur. 22.) *Ты бодрствуешь во всю ночь, чтобъ дать отвѣтъ требующимъ у тебя совѣта: а онъ, чтобъ благовременно придти съ войскомъ туда, куда предположилъ. Ты пробуждаешься пѣніемъ пѣтуха, а онъ звукомъ трубъ. Ты сочиняешь рѣчи, а онъ войско устрояетъ. Ты печешься о безопасности своихъ кліентовъ, а онъ о цѣлости городовъ или крѣпостей.* Но Ораторъ, какъ бы не довольствуясь сею прекрасною фигурою, обращаетъ ее въ противоположенія: *Онъ*

умѣетъ защищать насъ отъ набѣговъ непріятельскихъ, а ты предохраняешь отъ наводненій: онъ имѣетъ искуство распространять предѣлы наши, а ты управлять народами.

Могутъ и въ срединѣ повторяться въ соотвѣтственность поставленнымъ въ началѣ, какъ напримѣръ:

Te nemus Anguitiae, vitrea te Fucinus unda,
Te liquidi flevere lacus. (7. Aen. 759.)

По тебѣ плакали Ангитскія рощи,
Свѣтлыя по тебѣ Фуцина воды,
По тебѣ прозрачныя озера рыдали.

Или соотвѣтственно послѣднему (7. Verr. 43.): *Сей корабль былъ обремененъ Сицилійскою добычею; да и самый корабль былъ добычею.* Можно также повторять слова и въ срединѣ.

Первоначальнымъ соотвѣтствуютъ иногда послѣднія (7. Verr. 118.): *Много скорби и печали нанесено родителямъ, и друзьямъ многого.*

Повторяются еще слова съ нѣкоторымъ раздѣленіемъ:

Iphitus et Pelias mecum, quorum Iphitus aevo
Iam gravior, Pelias et vulnere tardus Ulyssi.
(2. Aen. 435.)

Ифитъ и Пеліасъ со мной; Ифита тягчила старость, Пеліасъ, раненый Улиссомъ, едва идти могъ.

Эпанодосъ, Отступленіе, называется, когда не только въ одномъ смыслѣ, но и въ противномъ тѣже слова повторяются (Pro Ligar. 19.): *Достоинство въ начальникахъ было равное, не равное, можетъ быть, въ ихъ послѣдователяхъ.*

Иногда Повтореніе, Polyptoton, состоитъ въ разныхъ родахъ и падежахъ: *Великое затрудненіе въ славѣ, великая важность въ дѣлѣ... Это отецъ твой? Отцемъ называешь его? Отца такого ты сынъ?* Если въ однихъ падежахъ, то будетъ фигура, Polyptoton называемая...

Часто послѣднее слово предъидущей мысли ставится въ началѣ послѣдующей, тогда будетъ *Anadiplosis*. Фигура сія встрѣчается наиболѣе у Стихотворцевъ (10. Eclog. 72.):

Превозносите, Музы, подарокъ мой Галлу, Галлу, къ которому любовь во мнѣ ежечасно возрастаетъ.

Однако и у Ораторовъ не рѣдко находимъ ее: (1. Cat. 12.) *Онъ еще живъ. Живъ? Да еще и въ Сенатъ придти осмѣлился...*

Иногда набираются слова, тожде значащія: *Когда такъ, Катилина, исполняй свое намѣреніе, выйди изъ города. Вороты отворены, ступай.* И на другомъ мѣстѣ: *Онъ вышелъ, выступилъ, вырвался, убѣжалъ....*

Набираются также не только слова, но и мысли одинакаго знаменованія, напримѣръ: *Слу-*

щеніе духа, нѣкій омракъ злодѣяній умомъ его овладѣли, и горящіе факелы фурій возбудили его къ тому.... Ставятся вмѣстѣ часто и тоже и противное означающія: *Я вопрошаю враговъ моихъ, не я ли злодѣянія сіи предусмотрѣлъ, открылъ, сдѣлалъ явными, устранилъ, испровергъ, уничтожилъ?*

Въ семъ примѣрѣ заключается и другая фигура, которая, поелику не имѣетъ союзовъ, называется *Безсоюзіе;* она дѣлаетъ рѣчь настоятельнѣе. Ибо каждое слово въ умъ болѣе врѣзывается, и предметъ нѣкоторымъ образомъ умножается; какъ Цицеронъ говоритъ противъ Метелла: *По мѣрѣ того, какъ обнаруживались соумышленники, я приказывалъ представлять ихъ себѣ, содержать подъ стражей, приводить въ Сенатъ,* и проч. Противная сему фигура, избыточествующая въ союзахъ, названа *Многосоюзіемъ.* Какъ Виргилій, говоря о народахъ Ливійскихъ, изъясняется (3. Georg. 344.): *Они скитаются изъ долины въ долину, гдѣ только найдутъ удобное мѣсто для себя и для стадъ своихъ; они всѣмъ довольны; и шалашъ, и собака, и колчанъ, и стрѣлы, суть единственные предметы желаній и заботъ ихъ.*

Обѣ сіи фигуры, хотя противоположныя, имѣютъ одинъ источникъ, и клонятся къ одной цѣли: то есть, сдѣлать рѣчь живѣе, настоя-

тельнѣе и сильнѣе; ибо ими изъявляются нѣкоторые порывы страстей.

Постепенность, Climax, есть фигура также повторенія; но какъ въ ней искуство и намѣреніе говорящаго слишкомъ обнаруживается, то и надлежитъ употреблять ее изрѣдка. Ибо повторяетъ сказанное, и прежде нежели поступитъ вдаль, обращается на прежнее; возмемъ примѣръ изъ Димосѳена (Pro Ctesiph.): *Я сего не говорилъ, и ниже писалъ: не только не писалъ, но и не былъ въ посольствѣ: не только не былъ въ посольствѣ, но и не совѣтовалъ Ѳивянамъ.* И вотъ другой изъ Цицерона: *Сципіонъ прилѣжаніемъ снискалъ добродѣтель, добродѣтелію славу, славою завистниковъ...*

2) Другія напротивъ фигуры дѣлаются чрезъ отнятіе или умолчаніе одного слова; онѣ, краткости и нечаянности ради, употребляются съ довольною пріятностію: изъ нихъ первая есть *Синекдохе...* когда отъятое реченіе легко подразумѣвать можно; какъ, напримѣръ, Целій въ рѣчи противъ Антонія сказалъ: *И Грекъ отъ радости изумляться.* Ибо здѣсь тотчасъ какъ бы уже слышится *началъ...*

Вторая изъ сего же рода, о которой говорено выше, есть *Asyndeton;* въ ней отметаются союзы.

Третія называется *Присоединеніе*, въ которой къ одному глаголу относятся многія мысли, изъ коихъ каждая требовала бы онаго, если бы стояла отдѣльно; и тогда или напереди ставится глаголъ, къ которому всѣ прочія слова относить должно, какъ: (Pro Cluent. 15.) *Преповѣжденъ стыдъ любострастіемъ, страхъ продерзостію, разсудокъ буйствомъ.* Или таковымъ глаголомъ многія мысли заключаются: (1. Cat. 22.) *Ты не такой человѣкъ, Катилина, котораго бы или стыдъ отъ похабства, или страхъ опасности, или разсудокъ отъ бѣшенства воздержать могли.* Или онъ ставится въ срединѣ такъ, что и къ предъидущимъ и послѣдующимъ мыслямъ отнести его можно...

3.) Третій родъ фигуръ состоитъ или въ единозвучіи, или въ сходствѣ, или въ противоположномъ значеніи тѣхъ же словъ: такая игра словъ поражаетъ нѣкоторымъ образомъ ухо слушателя, и возбуждаетъ вниманіе. Это называется *Paronomasia*, *Agnominatio*....

Съ сею фигурою сходствуетъ *Antanaclasis*, противоположное знаменованіе слова. Когда Прокулей жаловался на своего сына, что сей съ нетерпѣніемъ ждалъ его смерти, сынъ же отвѣтствовалъ, что отнюдь того не ждалъ, тогда отецъ подхватилъ: *Я даже прошу тебя, чтобъ ты подождалъ.* Иногда составляется она изъ

похожихъ словъ, но въ различномъ значеніи: *Supplicio afficiendum dicas, quem supplicatione dignum judicaris.* Отсюда происходитъ иногда игра словъ самая ничтожная, скучная и даже въ шуткахъ непріятная: удивительнѣе всего, что еще преподаются для сего правила. Я же привожу здѣсь тому примѣры не для подражанія, а паче для избѣжанія подобныхъ недостатковъ. *Amari* (любить и быть любиму пріятно,) *jucundum est, si curetur ne quid insit amari,* (только чтобъ не было въ томъ ничего горькаго). *Avium dulcedo ad avium ducit.....*

Но когда сія фигура служитъ къ означенію свойства лица или вещи, тогда дѣлаетъ немалую красоту (1. Cat. 30): *Сію язву Республики понемногу удалять, а не навсегда удалить можно.* И когда изъ перемѣны предлоговъ выходитъ противная мысль: *Онъ, кажется, не изъ города выпущенъ, но въ городъ впущенъ* (1. Catil. 27.). Но гораздо лучше и сильнѣе сказано: *Смертью купилъ безсмертіе.* А это слабо: *Non Pisonum, sed pistorum* (мѣльникъ). Или сдѣланное изъ *Оратора Оратай.* Всего же неудачнѣе: (3. Philip. 22.) *Ne Patres Conscripti videantur circumscripti. Raro evenit, sed vehementer venit.* Итакъ надлежитъ, чтобъ въ сей фигурѣ и мысль и слова заимствовали нѣкую красоту другъ отъ друга. Простите мнѣ: я приведу домашній примѣръ. Нѣкто, отправляясь въ посольство, поклялся, что онъ *умретъ,*

immoriaris legationi, лучше, нежели возвратится, не окончивъ порученнаго дѣла. Спустя нѣсколько дней, пріѣзжаетъ назадъ, не исполнивъ даннаго препорученія. Тогда отецъ мой, увидѣвшись съ нимъ, сказалъ въ насмѣшку: *Я не ожидалъ, чтобъ ты въ посольствѣ умеръ, uti immoriaris legationi, но по крайней мѣрѣ думалъ, что нѣсколько времени тамъ пробудешь, immorares.* Ибо здѣсь и самая мысль, и небольшое измѣненіе въ словахъ дѣлаетъ красоту, тѣмъ паче, что тутъ не видно никакой натяжки: одно слово взято отъ противной стороны, а другое само собою ему встрѣтилось.

Древніе Риторы старались украшать рѣчь противоположеніями (Antithesis), и такими словами, которыя или числомъ слоговъ или окончаніемъ одно на другое были похожи. Горгіасъ не хранилъ въ этомъ никакой мѣры, да и Исократъ въ молодости своей довольно часто прибѣгалъ къ сему пособію; самъ Цицеронъ любилъ играть подобными мелочами; но впрочемъ, храня мѣру, умѣлъ сіи слабыя красоты возвышать силою мыслей. Ибо и то, что само по себѣ ничтожно и натянуто, кажется дѣльнымъ и непринужденнымъ, когда мысль немаловажна.

Фигура изъ подобныхъ словъ составляется почти четвероякимъ образомъ: вопервыхъ, когда одно слово походитъ на другое, или не слишкомъ

разнится: (1. Aen. 403). *Puppesque tuae, pubesque tuorum.* И, *sic in hac calamitosa fama, quasi in aliqua perniciosissima flamma.* И: (Pro Cluent, 4.) *Non enim tam spes laudanda, quam res est.* Или когда въ словахъ одинакое окончаніе слышится: *Non* verbis, *sed* armis. И сіе бываетъ не безъ пріятности, когда мысль хороша; какъ напримѣръ: *Quantum* possis, *in eo semper experire, ut* prosis. Нѣкоторые фигуру сію называютъ *πάρισον*.

Вовторыхъ, когда двѣ и многія мысли оканчиваются однозвучными словами: *Non modo ad salutem eius extinguendam, sed etiam gloriam per tales viros infringendam....* Такая фигура называется *ὁμοιοτέλευτον, Подобоокончаніе*.

Третія *Omioptoton, Единопадежіе*, когда тѣже падежи повторяются, какъ у Афра: *Amisso nuper infelicis avlae, si non* praesidio *inter pericula, tamen* solatio *vitae inter adversa.* И тѣмъ лучше, когда начало и конецъ другъ другу соотвѣтствуютъ, какъ здѣсь, praesidio, solatio....

Четвертая *ἰσόκωλον*, когда періодъ состоитъ изъ равныхъ членовъ: (Pro Cec.) *Si quantum in agro locisque desertis audacia potest, tantum in foro atque judiciis impudentia valeret.* Здѣсь *Isocolon* и *ὁμοιόπτωτον* вмѣстѣ, т. е. въ равныхъ періодахъ тѣже падежи повторяются. А вотъ вмѣстѣ *Isocolon, Omioptoton,* и *Omioteleυton: Non minus nunc in cavsa cederet Avlus Caecina Sexti Ebutij impu-*

dentiae, quam tum in vi facienda cessit audaciae. Здѣсь выходитъ красота и изъ того, что глаголы перемѣнились въ наклоненіи и времени: *Non minus cederet, quam cessit....*

Противоположеніе же, *ἀντίθετον*, дѣлается различнымъ образомъ. Иногда каждому слову прошивополагается другое слово: (Pro Cluent. 15.) *Превозмогло стыдъ любострастіе, страхъ продерзость, разсудокъ безуміе.* Иногда два слова двумъ же словамъ: *Не нашимъ умомъ, но вашею помощію учинено.* А иногда и мысль мысли: *Пусть господствуетъ вражда въ народныхъ собраніяхъ: но да отложится въ судахъ.* (Pro Mur. 76). *Народъ Римскій не терпитъ роскоши въ частныхъ людяхъ, но общественную пышность любитъ....* Составляетъ также фигуру, называемую *ἀντιμεταβολή*, или превращенное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же реченій: (Pro Cluent. 5.) *Живу не для того, чтобъ ѣсть, а ѣмъ для того, чтобъ жить.* У Цицерона сдѣлано подобное превращеніе такъ, что слова повторяются въ тѣхъ же падежахъ: *Какъ въ судахъ вина безъ ненависти наказывается, и безъ вины ненависть навлекается.* Иногда повтореніемъ одного и того же слова оканчивается періодъ, какъ дѣлаетъ сей Ораторъ, говоря о Секстѣ Росціѣ: (Pro Quint. 78.) *Когда толь превосходный Актеръ, будучи одинъ, кажется, является на сценѣ, такъ мужъ толь высо-*

кихъ достоинствъ есть, кажется, одинъ, который достоинъ, чтобъ туда не входить....

III. О фигурахъ я замѣчу вкратцѣ то, что онѣ рѣчь украшаютъ, когда употребляются кстати; если въ нихъ не сохранится мѣры, то ее крайне безобразятъ. Есть Ораторы, кои, не заботясь о важности мыслей и о силѣ выраженій, а перевернувъ страннымъ образомъ слова, почитаютъ себя за великихъ искусниковъ, и не перестаютъ выискивать новые роды фигуръ, за которыми гоняться столько же смѣшно, какъ искать тамъ вида и движеній, гдѣ нѣтъ тѣла.

Но и самыя лучшія фигуры должны быть употребляемы съ благоразуміемъ и умѣренностію. И дѣйствительно, какъ пристойное измѣненіе лица, такъ и обращеніе взоровъ придаютъ много живости произношенію: но если бы кто сталъ изъ жеманства кривлять ротъ, вздымать брови и непрестанно поводить глазами, тотъ кромѣ смѣху, ничего возбудить не могъ бы въ слушателяхъ. Равно и рѣчь должна имѣть нѣкоторый постоянный видъ, коему какъ неподвижное и единообразное положеніе неприлично; такъ и отступленіе отъ естественныхъ оборотовъ показываетъ его безобразнымъ.

Наконецъ Оратору надлежитъ всего болѣе наблюдать, гдѣ, передъ кѣмъ и когда онъ гово-

рить. Большая часть фигуръ служитъ только къ услажденію слуха. Когда же потребно возбудить въ судьяхъ негодованіе, ненависть или сострадание, кто потерпитъ Оратора, въ мѣрныхъ, однозвучныхъ, искусно противоположенныхъ выраженіяхъ излагающаго свое неудовольствіе, болѣзнованіе, просьбы? Ибо излишнее попеченіе о выборѣ словъ дѣлаетъ изъявленіе страстей притворнымъ и неимовѣрнымъ: а гдѣ выказывается искуство, тамъ обыкновенно предполагается недостатокъ истины.

ГЛАВА IV.

О РАСПОЛОЖЕНИИ СЛОВЪ. (Compositio).

I. Почему пишетъ о семъ послѣ Туллія. — Опровергаетъ тѣхъ, кои рѣчь безъ искуственнаго расположенія словъ почитаютъ больше естественною и больше мужественною. II. Рѣчь бываетъ или непрерывно связная, или раздѣленная на части. — Въ расположеніи словъ наблюдается порядокъ, сочетаніе, число. III. О порядкѣ въ словахъ въ связи ихъ съ другими и отдѣльно. IV. О сочетаніи словъ, вставокъ, членовъ, періодовъ. V. О числахъ. 1.) Чѣмъ разнится число отъ рифма, мѣры. 2.) Число особенно наблюдается при концѣ и началѣ рѣчи. 3.) Стихъ не годится въ прозѣ. 4.) О стопахъ и ихъ составѣ. 5.) До какой степени нужно стараться о наблюденіи числа Риторическаго. 6.) Какой родъ расположенія и гдѣ употреблять должно.

I. Писать правила о расположеніи словъ я не осмѣлился бы послѣ Марка Туллія (2. de Orat. 171. 187. et aliund.), у котораго часть сія обработана со всевозможнымъ раченіемъ, ежели бы нѣкоторые изъ его же современниковъ не относи-

лись къ нему самому письменно съ оспариваніемъ его наставленій, и ежели бы многіе, послѣ его жившіе, Ораторы не предали намъ новыхъ по сему же предмету свѣденій. Итакъ во многомъ буду слѣдовать Цицерону, и въ статьяхъ, сомнѣнію не подлежащихъ, постараюсь сохранить возможную кратокость, а въ другихъ, можетъ быть, и отступлю отъ его мнѣнія. При всемъ томъ, предлагая мое сужденіе, не скрою отъ читателей и его собственнаго.

Я знаю, что есть люди, кои заботу о приличномъ расположеніи словъ вовсе отвергаютъ, а рѣчь простую, случаемъ и обстоятельствами внушаемую, почитаютъ не только естественнѣе, но и мужественнѣе. Ежели называютъ они естественымъ то, что̀ дается намъ прямо отъ природы, и что существовало прежде ученія, то все искуство Ораторское не заслуживало бы сего имени, и ни къ чему бы не годилось. Ибо первые человѣки, конечно, говорили, не слѣдуя точнымъ правиламъ языка, и не умѣли пріуготовлять Приступами, объяснять дѣло Изложеніемъ, утверждать доводами и трогать страсти. Итакъ они всего этого не знали, а не одного искуственнаго размѣщенія словъ въ рѣчи: если бы имъ не надлежало тому учиться, то для чего бы перемѣнять шалаши на домы, звѣриныя кожи на пристойную одежду, лѣса и горы на

благоустроенные города и общества? Какое искусство вдругъ возникло? Что не стараніемъ приходитъ въ лучшее состояніе? Для чего обрѣзываемъ и подвязываемъ виноградныя лозы? Для чего закрываемъ ихъ? Для чего очищаемъ жатвы отъ тернія и волчца? И ихъ производитъ земля. Для чего животныхъ дѣлать ручными? Онѣ родятся дикими. Скажемъ справедливѣе, что все то весьма естествено, чему быть въ лучшемъ порядкѣ безпрепятственно позволяетъ природа.

Какъ же можетъ слововыраженіе небрежное, необдуманное быть мужественнѣе слововыраженія связнаго и хорошо расположеннаго? Если нѣкоторые Писатели, по нѣкоей смѣшной изыскательности, ослабляютъ силу мыслей, держась въ словахъ какого то размѣра или паденія, Стихотворцами присвоеннаго, и дозволяя себѣ туже вольность въ самой прозѣ, сего не должно почитать за слѣдствіе словорасположенія. Впрочемъ, какъ теченіе рѣкъ бываетъ стремительнѣе по гладкому логовищу, нежели между камнями, ходъ воды затрудняющими: такъ и рѣчь связная, которая течетъ нераздробленными силами, есть превосходнѣе слововыраженія нескладнаго, нечистаго. Для чего же думать, что сила и красота между собою несовмѣстны, когда никакая вещь полной цѣны безъ искуства быть

не можетъ, и когда за искуствомъ всегда красота сопутствуетъ? Не правда ли, что пріятнѣе видѣть копье, брошенное съ силою, когда несется оно по воздуху прямою чертою? И при спусканіи стрѣлъ изъ лука, чѣмъ тверже и мѣтчѣе рука, тѣмъ самый пріемъ стрѣльца красивѣе? Въ воинскихъ и другихъ Гимнастическихъ упражненіяхъ, кто лучше защищается и тверже стоитъ на ногахъ, не тотъ ли искуство и вмѣстѣ силу показываетъ? Мнѣ кажется, что расположеніе словъ столько же нужно для мыслей, сколько лукъ и вервь для стрѣлы.

По чему никто изъ ученыхъ не сомнѣвается, что оно весьма много служитъ не только къ удовольствію, но и къ пораженію умовъ. Вопервыхъ, поелику не можетъ дѣйствовать на душу то, что въ ухѣ, какъ въ преддверіи, производитъ непріятность: а вовторыхъ, мы по самой природѣ болѣе трогаемся гармоніею или согласіемъ. А иначе, звуки музыкальныхъ орудій, хотя словъ и не выражаютъ, не производили бы надъ слушателемъ различныхъ дѣйствій. Въ священныхъ сраженіяхъ не одинакимъ образомъ духъ и возбуждается и успокоевается. Инымъ образомъ извѣщается, когда дѣло идетъ о объявленіи войны, и инымъ, когда съ колѣнопреклоненіемъ надобно у побѣдителя просить помилованія: иный тонъ употребляется, когда

въ бой готовится войско, иный, когда отступать помышляетъ. Пиѳагорейцы имѣли обыкновеніе, вставая съ одра, пробуждать также и умъ звуками лиры, дабы снискать болѣе охоты дѣйствовать; и ложась спать, прибѣгали опять къ лирѣ, дабы успокоить умъ отъ мятежныхъ дневныхъ мыслей.

Ежели въ числѣ и тонахъ музыкальныхъ заключается нѣкоторая неизъяснимая сила, то еще бо́льшаго дѣйствія ожидать должно отъ искуснаго словосочетанія. Ибо весьма много зависитъ отъ того, въ началѣ или въ концѣ періода какое слово употребится, хотя бы оно и тутъ и тамъ туже мысль означало. Такое умѣнье и разсмотрительность часто и слабымъ мыслямъ и посредственнымъ выраженіямъ сообщаетъ нѣкоторый особенный вѣсъ: напротивъ, иногда сильныя, пріятныя и красивыя мѣста дѣлаются слабы, противны слуху и не замѣчательны, если порядокъ словъ въ нихъ перемѣнится. Цицеронъ въ своемъ Ораторѣ дѣлаетъ сему опытъ надъ собственными своими періодами; напримѣръ: (N. 235.) *Nam neque me divitiae movent, quibus omnes Africanos et Laelios multi venalitii mercatoresque superarunt.* Перемѣни здѣсь порядокъ реченій, и скажи: *multi superarunt venalitii mercatoresque;* сдѣлай тоже и въ слѣдующихъ періодахъ, ты увидишь, что какъ будто надломленныя стрѣлы

бросаешь мимо цѣли. Онъ же поправляетъ въ сочиненіяхъ Гракха мѣста, которыя показались ему негладкими. Но сіе только ему, какъ великому Оратору, прилично: мы удовольствуемся испытывать сіе надъ собственными писаніями, соображая и, такъ сказать, округляя то, что въ нихъ встрѣтится намъ слабаго или низкаго. На что искать чужихъ примѣровъ, когда можно увѣриться собственнымъ опытомъ? Итакъ я только замѣчу, что чѣмъ лучше мѣсто и по смыслу и по слововыраженію, тѣмъ безобразнѣе покажется, когда худо расположено будетъ; поелику самое изящество словъ обнаружитъ нераденіе въ ихъ размѣщеніи.

Почему хотя и признаюсь, что искуство располагать слова усовершено Ораторами послѣднее: однако полагаю, что и древніе прилагали о томъ стараніе, по мѣрѣ возрастающихъ успѣховъ своего времени. Цицеронъ, сколь ни отличный Витія, не увѣритъ меня, чтобы Лизіасъ, Иродотъ, Ѳукидидъ мало пеклись о словорасположеніи. Может быть, не слѣдовали они тому образцу, какого держались Демосѳенъ и Платонъ, кои сами были несходны между собою.

И дѣйствительно не льзя подумать, чтобъ Лизіасъ, коего слогъ былъ тонкій и легкій, захотѣлъ обезобразить его забавными паденіями словъ. Онъ потерялъ бы пріятность простоты

и безпритворства, которыя ему толико свойственны: потерялъ бы также правдоподобіе. Ибо писалъ онъ рѣчи для другихъ, а самъ не произносилъ ихъ; посему и надлежало имъ походить на простыя и небрежныя: а въ этомъ и состоитъ искуство словорасположенія.

Но Исторіи, въ которой долженъ быть слогъ бѣглый и стремительный, неприличны ни частыя разстановки, потребныя Оратору для переведенія духа, ни хитросплетенныя при началѣ и концѣ слововыраженія. Въ вводныхъ рѣчахъ Ѳукидида однако найдешь и равныя паденія словъ и противоположенія, Antitheses. У Иродота же, кромѣ того, что слогъ его повсюду плавенъ, самый *діалектъ* имѣетъ въ себѣ такую пріятность, которая происходитъ, кажется, отъ нѣкоего потаеннаго словорасположенія. Но о различіи слога будемъ говорить на своемъ мѣстѣ: прежде покажемъ правила, въ какомъ порядкѣ надлежитъ ставить въ рѣчи слова.

II. И вопервыхъ, рѣчь есть или изъ членовъ состоящая и ими, какъ бы жилами связанная; или свободная, вольная; какова въ письмахъ и обыкновенныхъ разговорахъ; исключая тѣхъ случаевъ, когда говорится о предметахъ важныхъ; какъ-то: о Философіи, Республикѣ, и тому подобномъ. Я говорю, что послѣдняго рода рѣчь вольнѣе, не потому, чтобы не имѣла своихъ, и,

можетъ быть труднѣйшихъ, нѣкоторыхъ стопъ или паденій; ибо и въ письменномъ и разговорномъ слогѣ нетерпима непрерывная встрѣча гласныхъ, ниже та протяжность, которая отнимаетъ у словъ мѣру. Я только показываю, что въ такой рѣчи слова̀ не текутъ, не связываются одно съ другимъ, ниже слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывно, такъ что связь между ними кажется слабѣе, а не то, чтобъ совсѣмъ ея не было. Нерѣдко въ судныхъ рѣчахъ по дѣламъ маловажнымъ можетъ быть наблюдаема простота сія, которая имѣетъ собственную свою мѣрность, но ее только прикрываетъ.

Рѣчь же перваго рода состоитъ изъ трехъ принадлежностей: изъ Частицъ, *incisa*, по Гречески *κόμματα* называемыхъ; Членовъ, *membra*, *κῶλα*; и *περίοδον*, который есть или *ambitus*, или *circumductum*, или продолженіе, *continuatio*, или заключеніе, *conclusio*.

При всякомъ словорасположеніи нужно наблюдать Порядокъ (ordo), Связь (junctura), и Число (numerus).

III. Начнемъ съ Порядка. Порядокъ наблюдается въ словахъ, и порознь и въ соединеніи съ другими поставляемыхъ. Порознь поставляемыя назвали мы фигурою *ἀσύνδετα*. Въ нихъ надобно остерегаться, чтобъ послѣ слова сильнѣйшаго не ставить слабѣйшаго: напримѣръ послѣ *свято-*

татецъ, воръ; послѣ *разбойникъ, вольница;* ибо смыслъ долженъ всегда рости и возвышаться, какъ у Цицерона (2. Philip. 63.): *Ты съ такимъ горломъ, съ такою утробою, съ такою Гладіаторскою всего тѣла крѣпостію.* Здѣсь одно другаго болѣе. А ежели бы онъ прежде сказалъ: *съ Гладіаторскою крѣпостію всего тѣла*, а потомъ прибавилъ горло и утробу, то погрѣшилъ бы противъ правильности. Есть также и естественный порядокъ, и лучше говоримъ *мужи и жены, день и ночь, востокъ и западъ,* нежели на выворотъ. Нѣкоторыя слова, перемѣнивъ мѣсто, дѣлаются излишними, какъ *братья двойнишники;* если поставишь сперва *двойнишники*, то прибавлять *братья* уже не нужно. Понапрасну поставляютъ за непремѣнное правило ставить именительные падежи прежде глаголовъ, глаголы прежде нарѣчій, имена существительныя прежде прилагательныхъ и мѣстоименій. Ибо и противное часто придаетъ много пріятности. Считаю и то за излишнюю точность, чтобъ строго привязываться ко времени, то есть, говорить о томъ прежде, что прежде дѣлалось. Не спорю, что иногда лучше сего держаться: но поелику предшествующія дѣянія часто бываютъ важнѣе, нежели послѣдующія, то и нужно ихъ излагать послѣ слабѣйшихъ.

Оканчивать періодъ глаголомъ было бы всего лучше, если бы словосочиненіе всегда то позволяло. Ибо въ глаголахъ заключается вся сила рѣчи. Но когда тѣмъ нарушается плавность или пріятность, тогда наблюденіе числа и благозвучія гораздо предпочтительнѣе. Примѣры сему находимъ повсюду у знаменитѣйшихъ Греческихъ и Латинскихъ Ораторовъ. Каждый глаголъ, который при концѣ періода былъ бы противенъ слуху, переносится на другое мѣсто, и тѣмъ составляетъ тропъ или фигуру *Ипербатонъ*, имѣющій свое достоинство. Впрочемъ, слова не мѣряются стопами; по чему и можно переносить ихъ съ мѣста на мѣсто, наблюдая, гдѣ онѣ приличнѣе поставлены быть могутъ: какъ въ строеніи и самые грубые и неправильной фигуры камни находятъ пригодное для себя положеніе. Однако за совершеннѣйшую почесть надобно рѣчь ту, въ которой сохраненъ и естественный порядокъ, и пристойная связка, и при нихъ удачное и правильное паденіе словъ.

Но бываютъ перестановки, и слишкомъ далеко отнесенныя, какъ я показалъ выше, и противъ всякой правильности употребляемыя, въ которыхъ, кромѣ смѣшной высокопарности и забавы, ничего не примѣчается, какъ находимъ у Мецената: *Sole et avrorâ rubent plurima. Inter sacra movit aqua fraxinos. Nec exsequias quidem unus*

inter miserrimos viderem meas. Послѣднее изрѣченіе тѣмъ хуже, что Меценатъ такимъ размѣщеніемъ словъ еще шутитъ надъ случаемъ печальнымъ.

Часто однакожъ иное слово гораздо больше силы имѣетъ въ концѣ, нежели въ срединѣ періода: поелику здѣсь, будучи окружено около лежащими словами, какъ бы укрывается отъ вниманія, а напротивъ при окончаніи даетъ себя замѣтить, и больше врѣзывается въ умъ слушателя; какъ у Цицерона, когда онъ обличаетъ Антонія въ пьянствѣ: *Ut tibi necesse esset in conspectu populi Romani vomere postridie. Такъ что ты не могъ воздержаться предъ лицемъ Римскаго народа, чтобы не сблевать на другой день.* Переставь послѣднее слово, будетъ не та сила. Ибо оно изъ всего сего обращенія къ Антонію есть какъ бы остріе: къ непристойной необходимости сблевать, послѣ чего ожидать, кажется, уже нечего, прибавилъ онъ и ту гнусность, что пьяница не могъ въ желудкѣ своемъ переварить и удержать въ себѣ *на другой день.*

Вотъ небольшое число моихъ замѣчаній о Порядкѣ: если Порядокъ будетъ недостаточенъ, то и при связи и при плавномъ теченіи, рѣчь по справедливости назвать можно небрежною и нестройною.

IV. Слѣдуетъ *Связь,* или просто *Связка, Junctura:* она нужна въ словахъ, частицахъ, членахъ

и періодахъ. Ибо они всѣ имѣютъ свои и красоты и недостатки, смотря потому, какъ будутъ между собою соединены. Чтобъ сохранить порядокъ, замѣчу вопервыхъ, что даже простымъ и неученымъ людямъ ощутительна непріятность, когда въ поставленныхъ сряду словахъ изъ перваго послѣдній, а изъ слѣдующаго первый слоги составляютъ неблагопристойное реченіе, какъ у Виргилія: *Dorica castra,* и *coecâ caligine.* Вовторыхъ стеченіе гласныхъ, отъ которыхъ слова какъ будто не вяжутся, разваливаются, и вся рѣчь какъ бы страждетъ. Особенно слуху противно, когда два долгія ударенія въ словахъ сходятся, и еще противнѣе, если надобно произносить съ гортаннымъ напряженіемъ. Литера *Е* мягче, а *J* тонѣе; почему и недостатокъ въ нихъ не такъ примѣтенъ. Ставить краткія послѣ долгихъ, или долгія послѣ краткихъ, также не столь погрѣшительно, а еще менѣе оскорбляется слухъ двумя краткими. Словомъ, сіе стеченіе гласныхъ бываетъ больше или меньше грубо, смотря потому, тѣмъ же ли или различнымъ отверстіемъ рта произносятся. Впрочемъ, и грѣхъ не великъ въ этомъ проступиться: и не знаю, небреженіе ли въ семъ случаѣ, или излишняя заботливость хуже. И не безъ причины порицаютъ учениковъ Исократа, и особенно Ѳеопомпа, пристрастіемъ къ сему мнимому совер-

шенству. Димосѳенъ же и Цицеронъ на то не много смотрѣли. И сказать правду, иногда и *συναλοιφή*, т. е. сліяніе двухъ гласныхъ буквъ въ одну дѣлаетъ рѣчь плавнѣе, нежели слова съ цѣлыми своими окончаніями. Равно и слова, съ большимъ отверстіемъ рта произносимыя, не противны, и даже заключаютъ въ себѣ нѣкую важность; напримѣръ: *Pulchra oratione acta omnino jactare;* сверхъ того, слоги долгіе, какъ сами по себѣ постояннѣйшіе и явственнѣе слышимые, нѣкоторымъ образомъ скрадываютъ разстановку между двумя гласными. Вотъ что говоритъ о семъ Цицеронъ (Orat. 77): *Стеченіе гласныхъ* (hiatus) *имѣетъ какую-то не непріятную небрежность, которая показываетъ, что Ораторъ занимается болѣе мыслями, нежели словами.*

Да и согласныя буквы, особливо грубыя, связь между словами затрудняютъ: напримѣръ, *S* передъ *X*, какъ *Virtus Xerxis,* и *S* передъ *S*, какъ *Ars studiorum*, производитъ непріятное свистаніе. По сей причинѣ Сервій букву *S* опускалъ, коль скоро ею оканчивалось слово, а другое начиналось согласною. За что Лавраній его порицаетъ, Мессала защищаетъ. Думаютъ, что и Луцилій отсѣкалъ ее въ словахъ *Serenu' fuit*; *dignu' loco.* Цицеронъ въ своемъ Ораторѣ свидѣтельствуетъ, что многіе и изъ Древнихъ тоже дѣлали. Откуда произошли слова *Belligerare*, *po'meridiem*, и сіе

Катона Цензора выраженіе *Die' hanc*, гдѣ литера *m* отнималась для умягченія произношенія. Невѣжды, находя такія слова въ древнихъ, старинныхъ книгахъ, поправлять не совѣстятся, и, думая тѣмъ показать невѣжество переписчиковъ, свое собственное обнаруживаютъ. Таже буква *m*, стоя на концѣ, соединяется съ гласною слѣдующаго слова и сливается такъ, что хотя и пишется, однако произносится слабо, какъ *Multum ille* и *Quantum erat:* Здѣсь слышится звукъ какой-то новой буквы. Ибо она не уничтожается, а утаевается, и служитъ только какъ бы отмѣткою между двумя гласными, чтобъ онѣ въ одну не сливались.

Надобно также остерегаться, чтобы послѣдніе слоги предъидущаго слова не были первыми слогами слѣдующаго за тѣмъ слова. Не удивляйтесь, что я о семъ напоминаю; и у самаго Цицерона въ письмахъ къ Бруту вырвалось такое несообразное расположеніе реченій: *Res mihi invisae visae sunt, Brute.* И въ стихѣ: *O fortunatam natam me Consule Romam!*

Равно и односложныя, сряду многія поставленныя, производятъ недостаточное словосочиненіе; ибо рѣчь тогда по необходимости должна быть неровною и негладкою. По той же причинѣ надлежитъ избѣгать частаго употребленія краткихъ глаголовъ и именъ: а длинныхъ по

противной; ибо они сообщаютъ слову нѣкоторую тяжелую медленность.

Такой же выходитъ порокъ, ежели поставимъ сряду много словъ, подобныя ударенія, подобныя окончанія или тѣже падежи имѣющихъ. Ни сходныхъ глаголовъ къ глаголамъ, ни сходныхъ именъ къ именамъ набирать не должно, когда и самыя красоты наводятъ скуку, если не будутъ поддержаны пріятностію разнообразія.

Связь между частицами и членами періодовъ требуетъ инаго, нежели между словами, соображенія: хотя и въ нихъ той же погрѣшительности, о коей говорилъ я, остерегаться надобно. Здѣсь, для красоты расположенія, нужно разбирать, что̀ лучше поставить напереди, и что̀ позади. Ибо сіи слова, напримѣръ въ порядкѣ, *Vomens frustis esculentis, vinum redolentibus, gremium suum et totum tribunal implevit.* И напротивъ (я буду въ разныхъ случаяхъ приводить тѣже примѣры, дабы сдѣлать ихъ знакомѣе). *Saxa atque solitudines voci respondent, bestiae saepe immanes cantu flectuntur, atque consistunt* (Pro Arch. 19.) Здѣсь, казалось бы, мысль правильнѣе восходила, еслибы превращенъ былъ порядокъ, поелику легче тронуть звѣрей, нежели камни. Не смотря на то, у Цицерона такое словорасположеніе заключаетъ въ себѣ нѣкоторую красоту.

V. Перейдемъ къ числамъ. Весь составъ, вся мѣрность и все соединенiе словъ состоитъ или въ числахъ (подъ реченiемъ разумѣю ῥυθμὸς), или въ метрахъ, т. е. извѣстномъ размѣрѣ.

1.) Хотя риѳмы и метры составляются изъ стопъ (pes), однако имѣютъ между собою немалую разность. Риѳмы или числа состоятъ въ извѣстномъ разстоянiи времени, а метры еще и въ извѣстномъ порядкѣ: и потому однѣ, кажется, относятся къ количеству, другiе къ качеству. *Ρυθμὸς* есть или *равный*, какъ Дактиль: ибо имѣетъ одинъ слогъ долгiй, равняющiйся двумъ короткимъ. И въ другихъ стопахъ встрѣчается это, но уже сему только оное имя присвоено. Всѣмъ извѣстно, что долгiй слогъ имѣетъ два, да такъ скажу, *темпа*, а короткiй одинъ темпъ. Или *полуторный*, *полуторократный*, какъ *пеонъ*, который сложенъ изъ одного долгаго слога и трехъ короткихъ: и напротивъ, изъ трехъ короткихъ и одного долгаго, или другимъ какимъ нибудь образомъ три *темпа*, въ отношенiи къ двумъ, дѣлаютъ число полуторное. Или *двойственный*, какъ *Ямбъ*, который состоитъ изъ одного короткаго и одного долгаго, и напротивъ. Сiи стопы можно почесть и за метры: но въ стопахъ надобно смотрѣть, чего въ риѳмѣ не наблюдается, первые ли слоги въ Дактилѣ должны быть короткiе, или послѣдую-

щіе; ибо тутъ одно время измѣряется, по обычаю музыкантовъ поднятіемъ руки или ноги означается разстояніе времени. Но въ метрахъ сдѣлать сего не льзя. Въ стихѣ не можно поставить Анапеста или Спондея вмѣсто Дактиля; ниже Пеонъ по той же причинѣ когда либо начинается и оканчивается короткими. И въ стихахъ не только одна стопа за другую не берется, но ниже Дактиль, ни Спондей другъ друга не замѣняютъ. Итакъ, ежели въ сихъ непрерывныхъ пяти дактиляхъ перемѣнить порядокъ, то и стиха не будетъ.

Panditur interea domus omnipotentis Olympi....

(10. Aen. v. 1.)

Се отверзаются небесные чертоги.

2.) Слова размѣщать должно не прежде, какъ уже избравъ ихъ, одобривъ и точно назначивъ: ибо лучше соединять слова грубыя, нежели слова, ничего незначущія. Однако и изъ тождезначущихъ и равносильныхъ избирать можно; можно также прибавлять, когда онѣ не безполезны, и выпускать, когда не нужны; можно измѣнять падежи и числа чрезъ фигуры; такое разнообразіе, для лучшаго словосочиненія дѣлаемое, бываетъ пріятно даже при недостаткѣ числа и согласія. Если же одно слово одобряется разумомъ, другое употребленіемъ, въ такомъ случаѣ должно отдавать преимущество тому изъ двухъ, кото-

рое приличнѣе покажется, напримѣръ, *Vitavisse*, или *Vitasse*; *Deprehendere* или *deprendere*. Я не опирицаю даже (о семъ говорено выше) слiянiя двухъ слоговъ и все, что не можетъ вредить ни мысли ни краснорѣчiю. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы знать, какому слову на какомъ мѣстѣ быть пристойнѣе; и искуство словосложенiя не иное что есть, какъ наблюденiе всего вышесказаннаго, только бы не было примѣтно, что дѣлается то по одной привязанности къ точному расположенiю.

Наблюденiе же стопъ гораздо труднѣе въ прозѣ, нежели въ стихахъ, вопервыхъ потому, что стихъ состоитъ изъ немногихъ словъ, а проза изъ перiодовъ, часто довольно долгихъ: вовторыхъ, что стихъ всегда самъ себѣ подобенъ, и одинакiй ходъ имѣетъ; проза же, когда въ составѣ не разнообразится, и оскорбляетъ слухъ одинаковымъ паденiемъ, и обнаруживаетъ принужденность, между тѣмъ какъ она и въ цѣломъ и частяхъ должна быть усѣяна числами. Ибо мы и говорить не можемъ безъ словъ, которыя всѣ состоятъ изъ слоговъ короткихъ или долгихъ; а изъ сихъ раждаются стопы. Впрочемъ числа сiи нигдѣ столько не нужны и непримѣтны, какъ въ концѣ перiодовъ; поелику всякая мысль имѣетъ свой конецъ и естественный промежутокъ, коимъ отъ начала послѣдующей

мысли отдѣляется: и поелику ухо, слѣдуя за теченіемъ рѣчи, и какъ увлекаемое быстрымъ потокомъ слова, тогда болѣе судитъ о звукахъ, когда стремленіе остановится и даетъ время лучше разобрать слышанное. Итакъ да не будетъ жестко, грубо или отрывисто то, что должно служить нѣкіимъ отдохновеніемъ и освѣженіемъ духу. Это въ рѣчи есть пристанище для успокоенія; слушатель ожидаетъ его; и здѣсь-то похвала увѣнчаваетъ Оратора.

Начало періодовъ требуетъ почти равнаго тщанія, поелику слушатель устремляетъ на него первое свое вниманіе. Но здѣсь успѣть легче. Ибо начало не связывается ни съ какою предъидущею мыслію, а выводитъ новую; напротивъ того конецъ, какъ бы онъ мѣренъ ни былъ, потеряетъ самую красоту, если захотимъ къ нему достигнуть прерывистою дорогою. И дѣйствительно, для чего находимъ мы у Димосѳена слѣдующее словосложеніе правильнымъ: *πρῶτον μὲν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τοῖς θεοῖς εὔχομαι πᾶσι καὶ πάσαις*: и другое, которое одинъ Брутъ, сколько мнѣ извѣстно, не одобряетъ, но которое многимъ нравится: *κἂν μήπω βάλλῃ, μηδὲ τοξεύῃ*: для чего, говорю, порицаютъ иные за сіе Цицерона: *Familiaris coeperat esse balneatori;* и, *Archipiratae?* Ибо *Balneatori* и *Archipiratae* имѣютъ тѣже стопы и тѣже числа. Для того, что въ

приведенныхъ примѣрахъ Димосѳенъ начинаетъ періодъ такъ, какъ Цицеронъ оканчиваетъ. Сверхъ того въ примѣрѣ у Цицерона каждое слово заключаетъ въ себѣ по двѣ стопы; что и въ стихахъ весьма вяло, не только тамъ, гдѣ стихъ кончится словомъ пятисложнымъ, какъ у Горація: *Fortissima Tyndaridarum*, но даже гдѣ поставится четырехсложное: *Apennino, armamentis, Oriona.* Почему надлежитъ остерегаться оканчивать періодъ многосложными словами.

И на средину періода надлежитъ обращать вниманіе, чтобы не только во всемъ была взаимная связь, но чтобы отъ излишества долгихъ слоговъ рѣчь не сдѣлалась, такъ сказать, вялою и растянутою, или, каковый порокъ еще обыкновеннѣе, отъ стеченія многихъ короткихъ не казалась скачущею, и не издавала звуковъ, подобно дѣтскимъ гремушкамъ. Ибо какъ начало и конецъ имѣютъ значительнѣйшія ударенія, такъ въ срединѣ должны быть легкія движенія, которыя хотя непримѣтны, но бываютъ ощутительны, какъ нога бѣгущаго человѣка, хотя не останавливается, однако на землѣ слѣдъ оставляетъ. Итакъ не только члены и частицы нужно начинать и оканчивать приличнымъ образомъ, но и все разстояніе между ими требуетъ извѣстнаго расположенія по причинѣ тѣхъ разстановокъ, которыя служатъ какъ бы потаен-

ными степенями для отдыха въ произношеніи. Кто не скажетъ, что слѣдующія слова заключаютъ одну мысль, и однимъ духомъ произнесены быть могутъ: *Animadverti, judices, omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes?* Однако два первыя слова, и три послѣдующія и два за тѣмъ, и наконецъ три послѣднія имѣютъ, каждое, свои собственныя числа, которыя поддерживаютъ духъ говорящаго. Какъ въ музыкѣ, такъ и въ рѣчи, строгіе наблюдатели мѣры взвѣшиваютъ каждое слово; поелику каждый слогъ есть тяжкій или острый, долгій или короткій, медленный или скорый, а потому и цѣлое, изъ нихъ составляемое, будетъ важное и строгое, или свободное и вольное, или правильное и періодическое, или слабое и нестройное.

Иногда періодъ оканчивается нескладно и, такъ сказать, вяло: но въ такомъ случаѣ послѣдующій періодъ обыкновенно поддерживаетъ его, составляя съ нимъ какъ бы одно продолженіе, и тѣмъ самымъ поправляетъ порокъ въ окончаніи перваго: *Non vult Populus Romanus obsoletis criminibus accusari Verrem.* Окончаніе не красиво: но тотчасъ читай и послѣдующее: *Nova postulat, inaudita desiderat.* И теченіе слова будетъ гладко, не смотря на различіе смысла. *Ut adeas, tantum dabis:* такъ кончить было бы не хорошо; ибо и трехъ стопный стихъ имѣетъ тоже окончаніе;

почему Ораторъ тотчасъ прибавляетъ: *Ut cibum vestitumque introferre liceat, tantum.* Да и сіе паденіе нѣсколько скороспѣшно; но поддерживается послѣдними словами: *Recusabat nemo;* и непріятность для слуха исчезаетъ.

4.) Всего хуже, если въ прозѣ цѣлый стихъ вырвется: неизвинительно даже и полустишіе, особливо, когда оно послѣднее въ стихѣ, и періодъ въ прозѣ имъ оканчивается; или когда періодъ начинается наподобіе стиха. Противное же сему часто дѣлается съ удачею. Ибо первою частію стиха, начальнымъ полустишіемъ, иногда можно очень хорошо заключать періодъ, лишь только бы слова сіи были не многосложны. *In Africa fuisse,* есть шестистопнаго стиха начало, которымъ оканчивается періодъ у Цицерона въ рѣчи за Лигарія. *Esse videatur* (и онъ часто начинаетъ періоды такимъ образомъ) есть первая часть осьмистопнаго.... Можно также и начинать періодъ первымъ полустишіемъ: *Etsi vereor, judices,* и, *Animadverti, judices.* Но начало стиха къ началу періода въ прозѣ неприлично. Однако Титъ Ливій началъ свое предисловіе полустишіемъ Ексаметра: *Facturus ne operae pretium sim.* Ибо такъ читать надобно, и это лучше, нежели какъ поправляютъ. Равно не хорошо и окончаніемъ стиха кончить періодъ, какъ у Цицерона: *Quo me vertam, nescio;* это конецъ стиха шестистопнаго.... Еще хуже

заключать Ексаметромъ, какъ у Брута въ письмахъ: *Neque enim illi malunt habere tutores aut defensores, quanquam sciunt placuisse Catoni....*

5.) Показавъ, что проза состоитъ изъ стопъ, теперь надобно объяснить, что такое суть сіи стопы; и, поелику наименованія ихъ различны у Писателей, утвердить точныя ихъ названія. Я буду слѣдовать Цицерону: ибо онъ самъ руководствовался наилучшими Греческими авторами, изключая то, что у него, какъ мнѣ кажется, стопы имѣютъ не болѣе трехъ слоговъ, хотя впрочемъ же употребляетъ и Пеонъ и Дохмій, изъ которыхъ первый заключаетъ четыре, а послѣдній пять слоговъ. Однако самъ же признается, что они отъ нѣкоторыхъ почитаются болѣе числами, нежели стопами: да и справедливо. Ибо все, что имѣетъ больше трехъ слоговъ, состоитъ изъ многихъ стопъ. Итакъ есть четыре стопы, которыя составляются изъ двухъ слоговъ, и восемь изъ трехъ; Спондей изъ двухъ долгихъ: Пиррихій, который называется и Періамбомъ, изъ двухъ короткихъ: Ямбъ изъ одного короткаго и одного долгаго: а стопу изъ одного долгаго и одного короткаго мы назовемъ Хореемъ, хотя нѣкоторые именуютъ его и Трохеемъ. Изъ тѣхъ же стопъ, въ которыхъ содержится по три слога, называется Дактилемъ, въ коемъ одинъ долгій и два короткихъ: Анапестомъ на-

противъ, гдѣ два короткихъ и одинъ долгій: короткій между двумя долгими Амфимакромъ, а чаще Кретикомъ; долгій между двумя короткими, Амфибрахіемъ: два долгіе, послѣ одного короткаго составляютъ Бахій; и напротивъ послѣ двухъ долгихъ одинъ короткій дѣлаетъ Палимбахій: три короткихъ дѣлаютъ Трохей, называемый обыкновенно Трибрахіемъ, отъ тѣхъ, кои Хорею даютъ имя Трохея; а изъ трехъ долгихъ составляется Молоссонъ.

Изъ сихъ стопъ нѣтъ ни одной, которая не входила бы въ прозу; и протяженнѣйшія, т. е. имѣющія болѣе долгихъ слоговъ, дѣлаютъ рѣчь важнѣе, а короткія стремительнѣе и живѣе. Но то и другое хорошо у мѣста. Ибо и важность, гдѣ нужна скорость, и скорость, гдѣ требуется важность, равно охуждаются.

Ни въ буквахъ, ни въ слогахъ, свойство не измѣняется; но надобно смотрѣть, какіе лучше соединяются между собою. Долгіе слоги, какъ я уже сказалъ, придаютъ рѣчи болѣе важности, а короткіе болѣе скорости: ежели сіи послѣдніе будутъ перемѣшаны съ долгими, покажутся плавно текущими; а если пойдутъ короткіе за короткими, то представятся тебѣ неровными прыжками....

Но обращать вниманіе надлежитъ не только на послѣднюю стопу, но и на предъидущую.

Хотя бы каждая изъ нихъ состояла изъ двухъ слоговъ, можно еще восходить обратно даже до третьей стопы, и не далѣе; а если изъ трехъ слоговъ, то довольно будетъ остановиться на двухъ послѣднихъ стопахъ, и не меньше. Впрочемъ здѣсь не нужна вся стихотворческая строгая точность: иначе мы прозу мѣрили бы, какъ стихи, и вмѣсто риторическаго числа, искали бы однѣхъ стопъ. Можетъ однакожъ между тремя вышесказанными стопами быть одна и Дихорей, если можно такъ назвать стопу, состоящую изъ двухъ Хореевъ, равно какъ и Пеонъ, который состоитъ изъ Хорея и Пиррихія, и который почитается приличнѣйшимъ для начала; также и напротивъ стопа, изъ трехъ короткихъ слоговъ и одного долгаго состоящая, которая для конца лучшею признается. О сихъ только двухъ родахъ стопъ говорятъ Писатели, предметомъ симъ занимавшіеся: всѣ же прочія, входящія въ прозу, называютъ Пеонами, не изъясняя ихъ качествъ. Дохимъ, который состоитъ изъ Бакхія и Ямба, или изъ Ямба и Кретика, хорошъ на концѣ, какъ такая стопа, которая изъ всѣхъ тверже и правильнѣе.

Спондей, который въ великомъ употребленіи у Димосѳена, самъ по себѣ тяжелъ, медленъ: но когда имѣетъ предъ собою Кретикъ, производитъ немалую красоту, какъ здѣсь: *De quo ego*

nihil dicam nisi depellendi criminis causâ. Впрочемъ надобно разбирать, въ одномъ ли словѣ заключаются двѣ стопы, или каждая въ особенномъ. Такъ, напримѣръ, *Criminis causâ* дѣлаетъ окончаніе сильнымъ; *Archipiratae* слабымъ; а еще слабѣе, когда предшествуетъ Трибрахій, *Facilitates, temeritates.* Ибо въ самомъ разстояніи, коимъ раздѣляется одно слово отъ другаго, есть нѣкое непостижимое время, какъ пяти стопный стихъ раздѣляется Спондеемъ; ибо не вышло бы и стиха, если бы сей Спондей не былъ сложенъ изъ конца одного слова и начала другаго. *Si non errasset, fecerat illa minus....*

Хорошо оканчивается и Дихореемъ, т. е. когда онъ удвояется; что въ слогѣ Азіатскомъ весьма обыкновенно. Сему примѣромъ ставитъ Цицеронъ слѣдующее изрѣченіе: *Patris dictum sapiens, temeritas filii comprobavit.* Пиррихій передъ Хореемъ также не безъ пріятности: *Omnes prope cives virtute, gloria, dignitate superabat.*

Можно ставить на концѣ и Дактиль, если не хотимъ сдѣлать изъ него Кретикъ; какъ *Muliercula nixus in littore.* Передъ нимъ хорошо ставить Кретикъ и Ямбъ, Спондей худо, а еще хуже Хорей. Оканчивается не дурно и Амфибрахіемъ: *Q. Ligarium in Africa fuisse.* Его превратить можно въ Бакхій ...

Крешикомъ начинаешся рѣчь шакже красиво: *Quod precatus a diis immortalibus sum:* и оканчиваешся: *In conspectu populi Romani vomere postridie.* Изъ сего видно, что Крешику можешъ предшесшвовашь или Анапесшъ или Пеонъ, кошорый для окончанія приличнѣе. Сія послѣдняя сшопа иногда и повшоряешся: *Servare quam plurimos....*

Я исчислилъ предъидущія сшопы не для шого, чшобъ хошѣлъ ошвергнушь всѣхъ прочихъ: мое намѣреніе было шолько показашь, какія изъ нихъ производяшъ лучшее дѣйсшвіе. Ибо и два Анапесша сряду хорошо могушъ сшояшь, по шому чшо они окончиваюшъ пяшисшопный сшихъ, или какъ риѳмъ, изъ нихъ сосшоящій и ошъ нихъ заимсшвующій свое названіе (Rhythmus anapesticus): *Nam ubi libido dominatur, innocentiae leve praesidium est.* Здѣсь посредсшвомъ Синалефа послѣдніе два слога въ одинъ сливаюшся. А еще лучше, когда напереди посшавленъ будешъ Спондей или Бакхій, напримѣръ, когда перемѣсшишь слово: *Leve innocentiae praesidium est....*

6.) Я распросшранился здѣсь о семъ предмешѣ ошнюдь не съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобы засшавишь Орашора, коего слова должны сами собою шечь есшесшвенно, попѣшь во всю жизнь надъ размѣромъ сшопъ и взвѣшиваніемъ слоговъ. Эшо дѣло бѣднаго и пусшымъ занимающагося Писашеля. Кшо на сіе обрашишъ

все свое вниманіе, тому некогда думать о важнѣйшемъ: онъ, оставивъ силу мыслей и принебрегши истинныя красоты, *будетъ*, по словамъ Луцилія, *выкладывать только узоры, подбирая кусочки дерева одинъ къ другому.* Итакъ не прохладится ли жаръ, и не воспятится ли стремленіе въ Ораторѣ отъ сихъ малостей? Задерживая коня уздою, ослабляемъ бѣгъ его, и уравнивая его шаги, мѣшаемъ скорости. Да развѣ не было прежде наблюдаемо число въ словосложеніи? Ибо кто не знаетъ, что и въ Поэзіи не было сперва никакого искусства, а родились правила отъ разборчивости уха и отъ частаго повторенія тѣхъ же паденій слова, и разстановокъ, отъ времени до времени наблюдаемыхъ. Итакъ довольно для насъ одного рачительнаго упражненія въ сочиненіи и писаніи, чтобы научиться словосоединенію, и по приличію времени находить подобное.

Надобно смотрѣть не столько на стопы, сколько на весь составъ періода: какъ стихотворецъ, пиша стихъ, смотритъ болѣе на цѣлое, нежели на пять или на шесть частей, которыя составляютъ оное. Ибо прежде родился стихъ, нежели правила, какъ дѣлать стихи. Посему-то сказалъ Энній, что прежде его *Фавны и Оракулы говорили стихами. Olim Favni vatesque canebant.* Слѣдовательно что̀ въ Поэзіи есть Стихосло-

женіе, *Versificatio*, то въ прозѣ есть Словосочиненіе, *Compositio*. Всего же лучше судитъ о семъ ухо, которое достаточнымъ довольствуется, къ недостаточному пополненія желаетъ, нескладнымъ оскорбляется, плавнымъ услаждается, на стремительное обращаетъ вниманіе, твердое одобряетъ, нелѣпое охуждаетъ, въ избыткѣ же и излишествѣ находитъ скуку. По сей-то причинѣ ученый судитъ о словосложеніи по искуству, а неученый по ощущаемому удовольствію.

Но на многое правилъ преподать не льзя. Напримѣръ, если повтореніе одного падежа непріятно, перемѣни его на другой: но можно ли сказать, который и на какой? Слабое словосочиненіе поддерживается разнообразіемъ фигуръ: но какихъ фигуръ? Конечно фигурами мыслей и словувыраженія. Но естьли на сіе точныя правила? Слѣдовательно надлежитъ сообразоваться со случаемъ и настоящими обстоятельствами. И дѣйствительно, какъ можемъ, если не съ помощію уха, судить о надлежащемъ протяженіи періодовъ; что въ сочиненіи великую важность составляетъ? Для чего иные періоды, въ самыхъ короткихъ словахъ выраженные, кажутся довольно, а иногда и съ избыткомъ полными, а другіе, и при достаточномъ качествѣ реченій, короткими и отрывистыми? Для чего чувствуется, что въ иныхъ какъ бы чему-то еще

остается мѣсто, когда со стороны мысли прибавить уже нечего? *Neminem vestrum ignorare arbitror, judices, hunc per hosce dies sermonem vulgi, atque hanc opinionem populi Romani fuisse.* Почему *hosce*, а не *hos* поставлено? Въ послѣднемъ нѣтъ ничего грубаго. Изъяснить причины не могу, но чувствую, что первое лучше. Для чего не остановился Цицеронъ на словахъ: *Sermonem vulgi fuisse?* Ибо и этого было бы довольно. Я не знаю, для чего; но ухо мнѣ сказываетъ, что мысль, безъ удвоенія сего выраженія, какъ будто неполною остается. Итакъ сіе надобно приписать чувствію. Не льзя опредѣлить съ довольною точностію, что̀ въ сочиненіи строго, что̀ пріятно: однако то и другое замѣтить при помощи природы лучше, нежели при помощи науки. Но самая природа науку въ себѣ заключаетъ.

7.) Оратору необходимо надлежитъ знать, гдѣ и какого рода сочиненія держаться надобно. Для сего нужно не терять изъ виду двухъ примѣчаній: одно относится къ стопамъ, другое къ тѣмъ формамъ или образцамъ сочиненія, которые изъ стопъ составляются. О сихъ-то образцахъ я прежде говорить хочу: уже я сказалъ выше, что ихъ три рода; Частицы, *Incisa*, Члены, *Membra*, Періоды, *Circuitus*.

Частица, incisum, есть, по мнѣнію моему, мысль не въ полномъ числѣ словъ заключаю-

щаяся: изъ нихъ составляется членъ. Цицеронъ въ своемъ Ораторѣ приводитъ слѣдующій примѣръ: *У тебя дому не было: а онъ былъ. Было много денегъ? А ты въ нихъ нуждался.* Частица состоитъ иногда изъ одного слова, какъ: *Diximus, testes dare volumus. Сказалъ, теперь хочу представить свидѣтелей.* *Diximus*, сказалъ, (т. е. рѣчь кончилъ) есть частица.

Членъ же есть мысль, въ полномъ числѣ словъ заключающаяся, но будучи отдѣлена отъ цѣлаго, никакого дѣйствія не производящая сама собою, напримѣръ: *'O callidos homines! О предусмотрительные люди!* Мысль ясна, но будучи поставлена одна, безъ послѣдующихъ, никакой силы не имѣетъ, такъ какъ руки, ноги или голова, отдѣленныя отъ тѣла. *O rem excogitatam! O ingenia metuenda! О прекрасный вымыселъ! О умы страшные!* Когда же членъ начинаетъ составлять тѣло? Когда мысль совершенно заключится: *Quem, quaeso, nostrûm fefellit, id vos ita esse facturos? Кто изъ насъ, прошу сказать, не предвидѣлъ, что вы такъ поступите?* Цицеронъ приводитъ слова сіи въ примѣръ смысла, совершенно оконченнаго со всею возможною краткостію. Итакъ частицы и члены всегда почти бываютъ перемѣшаны между собою, и требуютъ заключенія.

Періоду даетъ Цицеронъ многія названія: у него разумѣется онъ подъ именемъ то круга, то обвода, то объема, то продолженія, то ограниченія. Періодъ бываетъ двухъ родовъ: одинъ простый, когда одна мысль заключается во многихъ словахъ; другой сложный, когда состоитъ изъ членовъ и частицъ, многіе смыслы имѣющихъ. *Aderat janitor carceris, et carnifex Praetoris*, и проч. Періодъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, два члена. Среднее число четыре, но часто содержитъ и болѣе. Мѣра, Цицерономъ ему полагаемая, есть или продолженіе четырехъ шестистопныхъ стиховъ, или сколько духъ перенести можетъ. Періодъ долженъ заключать въ себѣ полный смыслъ: быть ясенъ и вразумителенъ: не слишкомъ длиненъ, дабы въ памяти удержать его не трудно было. Членъ періода, если длиннѣе надлежащаго, теряетъ живость; а если короче, не будетъ имѣть силы.

Когда надобно Ораторy говорить сильно, настоятельно, упорно, тогда лучше всего употреблять члены и частицы, а не цѣлые періоды, и словосочиненіе располагать такъ, чтобы къ вещамъ грубымъ приноравливаемы были и паденія въ рѣчи грубыя, дабы тѣмъ произвесть такое же дѣйствіе, какое ощущаетъ говорящій. Члены (т. е. говорить не круглыми періодами) наиболѣе приличны повѣствованіямъ; а если на-

добно будешъ прибѣгнуть и къ періодамъ, то они, по крайной мѣрѣ, должны быть не такъ часты и не такъ округлы, какъ на другихъ мѣстахъ. Сего дѣлать однакожъ не можно тогда, когда что-нибудь повѣствуется не для вразумленія судей, а только для украшенія рѣчи, какъ Цицеронъ, говоря противъ Верреса, расказываетъ о похищеніи Прозерпины. Ибо таковымъ повѣствованіямъ приличнѣе слогъ гладкій и плавный.

Періодъ хорошъ въ Приступахъ рѣчей о дѣлахъ важныхъ, гдѣ нужно или показать заботу и безпокойство, дать выгодное понятіе о лицѣ подсудимомъ, или подвигнуть судей на состраданіе. Онъ пригоденъ также для *общихъ мѣстъ* и для всего, что̀ называется Распространеніемъ: но когда обвиняемъ, онъ долженъ быть составляемъ по строгимъ правиламъ; когда же хвалимъ, можно дать ему болѣе свободы. Въ Эпилогахъ или Заключеніяхъ дѣлаетъ довольно красоты. Съ большимъ же приличіемъ и успѣхомъ употребляется періодъ тогда, какъ судья не только вникнетъ въ дѣло, начнетъ плѣняться красотою рѣчи, и въ полномъ довѣріи къ Оратору, уже станетъ слушать его съ удовольствіемъ.

Исторія не требуетъ толь строгаго разбора паденій или числа въ словосочиненіи; для нее довольно извѣстной связи и совокупности. Ибо всѣ части ея тѣсно соединены: она течетъ, и,

шакъ сказашь, кашишся безостановочно. Всѣ члены ея можно уподобишь людямъ, кои идушъ, держа другъ друга подъ руку и шѣмъ пушь свой надежнѣе продолжаюшъ. Въ родѣ же Доказашельномъ нужны числа или паденія свободнѣе и разнообразнѣе. Для родовъ Разсудишельнаго и Судебнаго, по мѣрѣ различія предмешовъ, пошребно и расположеніе словъ различное.

Теперь обрашимся ко вшорому изъ показанныхъ примѣчаній. Кшо не согласишся, чшо между множесшвомъ предмешовъ, входящихъ въ наше слово, объ однихъ надобно говоришь съ крошосшію, о другихъ съ силою, объ иныхъ съ возвышенносшію, о сихъ съ насшояніемъ, о шѣхъ съ важносшію? Слѣдовашельно никшо не поспоришъ, чшо для выраженія предмешовъ важныхъ, высокихъ и пышныхъ гораздо приличнѣе слоги долгіе; а предмешы шихіе шребуюшъ нѣкошораго прошяженія въ голосѣ, высокіе же и пышные, яснаго и громкаго произношенія. Напрошивъ краткіе слоги красивѣе въ Доводахъ, Раздѣленіяхъ, Шушкахъ и во всемъ шомъ, чшо подходишъ болѣе къ просшой и обыкновенной рѣчи.

Ишакъ Присшупъ сочиняешся разнымъ образомъ, смошря по сущесшву предмеша, о коемъ говоришь намѣреваемся.... Ибо умы судей различно пріугошовляюшся: пошребна шо скромносшь, шо шวердосшь, шо важносшь, шо ласка-

тельство: иногда надобно преклонять на милость, иногда побуждать къ строгости. Всѣ сіи, по существу своему разнородныя чувствованія, требуютъ и словосочиненія отмѣннаго. Однѣ ли числа, однѣ ли паденія періодовъ наблюдалъ Цицеронъ въ Приступахъ рѣчей своихъ за Милона, за Клуенція, за Лигарія?

Для Повѣствованія нужны стопы медленнѣйшія, и, да такъ скажу, скромнѣйшія: въ немъ должно быть большее количество именъ, нежели глаголовъ. Глаголы дѣлаютъ рѣчь часто сжатою, и придаютъ ей иногда возвышенность несовмѣстную съ простотою Повѣствованія, котораго цѣль есть объяснять судьямъ дѣло и впечатлѣвать въ ихъ памяти: а это не дѣлается спѣхомъ. Мнѣ кажется, что въ Повѣствованіи приличнѣе члены длинные, періоды же краткіе.

Доводы сильные и стремительные требуютъ и стопъ, къ симъ качествамъ приспособленныхъ, однако не Трохеевъ, кои хотя знаменуются скоростію, но не имѣютъ никакой силы. Итакъ надлежитъ перемѣшивать стопы короткія съ долгими, однакожъ такъ, чтобы количество долгихъ не превосходило количества короткихъ. Мѣста высокія, требующія реченій протяжныхъ и звучныхъ, украшаются выразительностію Дактиля, и даже Пеона, хотя обѣ

сіи стопы состоятъ большею частію изъ короткихъ слоговъ, однако довольно протяженія имѣющихъ. Напротивъ мѣстамъ грубымъ всего приличнѣе Ямбы, не только потому, что состоя изъ двухъ слоговъ, тѣмъ самымъ какъ бы учащаютъ удареніе, дѣйствіе противное плавности: но и для того, что во всѣхъ частяхъ идутъ, возрастая, и начиная съ короткихъ, останавливаются на долгихъ, и большую силу получаютъ. И по сему они гораздо лучше, нежели Хореи, которые съ долгихъ имѣютъ паденіе на короткіе. Мѣста же скромныя, каковы суть Эпилоги, требуютъ словъ протяжнѣйшихъ и меньше звучныхъ....

Наставленія мои заключу въ короткихъ словахъ: надлежитъ сочинять почти такъ, какъ говорить должно. И въ самомъ дѣлѣ, начиная рѣчь, не всегда ли мы бываемъ тише и скромнѣе, исключая случаи, гдѣ надобно возбудить въ судьѣ гнѣвъ, или негодованіе противъ обвиняемаго? Не всегда ли обильны и выразительны въ Повѣствованіи? Не всегда ли живы въ Доводахъ, скоры и нетерпѣливы даже въ тѣлодвиженіяхъ, такъ какъ въ описаніяхъ многорѣчивы и плавны, въ Эпилогахъ смиренны и унылы? Въ движеніи тѣла нашего есть также нѣкоторыя степени времени; и въ пляскѣ и въ пѣніи музыка имѣетъ свои числа и мѣру. Не сообразуется ли

голосъ нашъ въ произношеніи со свойствомъ вещей, о которыхъ говоримъ? Тѣмъ менѣе должно удивляться, когда находится такая сообразность въ ходѣ и стопахъ рѣчи: естественно, чтобъ великіе предметы шествовали важно, тихіе шли плавно, сильные стремились, нѣжные текли. Итакъ, гдѣ нужно, надлежитъ нарочно показывать нѣкоторую надутость; къ чему особливо способны Спондеи и Ямбы:

(*) *En impero Argis, sceptra mi liquit Pelops....*

Сатирѣ и насмѣшкамъ, даже въ стихахъ, Ямбы придаютъ много остроты и колкости:

Quis hoc potest videre? quis potest pati?
Nisi impudicus, et vorax, et aleo?

Вообще же, ежели потребуетъ нужда, я охотнѣе предпочту слогъ грубый и негладкій слогу изнѣженному и слабому, каковый находимъ у многихъ Ораторовъ: мы его каждодневно искажаемъ какою-то непристойною мѣрою, приличною болѣе пляскѣ, нежели важности слова. Но и та рѣчь не можетъ назваться совершенною, въ которой наблюдается одна форма и одно паденіе словъ. Ибо составитъ родъ Стихосложенія, въ коемъ каждое реченіе подвергнется строгому закону: и тогда проза, какъ видимою натяжкою,

---

(*) Сей стихъ приводитъ Сенека иначе:
En impero Argis; regna mihi liquit Pelops.

въ чемъ даже подозрѣнія избѣгать стараться надлежитъ, такъ и единообразіемъ своимъ сдѣлается скучною и противною. Недостатокъ сей имѣетъ въ себѣ однако съ перваго взгляду нѣчто привлекательное, а тѣмъ самимъ служитъ къ вящшему вреду; и Ораторъ, который гоняется за сими обманчивыми красотами, теряетъ довѣріе отъ слушателей, и лишается всѣхъ прочихъ пособій: ибо не льзя надѣяться, чтобы судья подвигся на жалость или негодованіе убѣжденіями того, кто занимается въ рѣчи наблюденіемъ малостей. Почему нѣкоторыя мѣста надлежитъ нарочно оставлять какъ бы безъ всякой связи и въ небреженіи; и чтобъ онѣ не казались слишкомъ выработанными, часто величайшаго труда стоитъ.

Однакожъ не надлежитъ и слишкомъ пещись о расположеніи словъ, дабы неумѣстнымъ переносомъ ихъ не сдѣлать рѣчи принужденною. Ради одной плавности не должно опускать ни одного слова нужнаго и приличнаго. Ибо нѣтъ реченія, которое не могло бы помѣщено быть съ пристойностію, если въ избѣжаніи оныхъ станемъ смотрѣть болѣе на красоту слога, нежели на удобство и легкость. При всемъ томъ я не удивляюсь, что Латинскіе Писатели болѣе пеклись о красивомъ словосочиненіи, нежели Аттическіе, хотя нашъ языкъ не имѣетъ того разно-

образія и пріяшносши, какими ихъ діалекшъ ошличаешся. И я не могу причесшь въ порокъ Цицерону, чшо онъ въ семъ случаѣ нѣсколько ошсшупилъ ошъ Димосѳена. Разносшь же между Лашинскимъ языкомъ и Греческимъ покажу въ послѣдней книгѣ.

Иmакъ въ заключеніе моихъ по сему предмешу насшавленій, въ кошорыхъ сверхъ намѣренія моего я распросшранился, скажу шолько, чшо всякое сочиненіе должно бышь, скромно, пріяшно, разнообразно. Оно имѣешъ шри сущесшвенныя часши: порядокъ, связь, число или благозвучносшь. Искусшво сосшоишъ въ прибавленіи, убавленіи, перемѣнѣ. Упошребленіе сообразуешся съ предмешами, о коихъ говоримъ. Сшараніе о слогѣ пошребно великое; чшобъ оно было усшремлено болѣе всего на мысли и выраженія: сшараніе сіе должно бышь искусно скрываемо, шакъ чшобъ расположеніе словъ казалось само собою шекущимъ, невысканнымъ и непринужденнымъ.

ПОПРАВКИ КО 2-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1.	16.	расноложила	расположила
—	19.	по	по-
30.	25.	под	под-
34.	23.	затѣмняютъ	затемняютъ
53.	20.	нохвалы	похвалы
95.	4.	соглались	согласились
125.	6.	бышь	бышь
134.	3.	*παῤῥησια.*	*παῤῥησία*
144.	7.	совсѣм	совсѣмъ
161.	23.	чшо	чшо
162.	21.	*ισόκωλον*	*ἰσόκωλον*
189.	5.	Бахій	Бакхій
193.	1.	некогда	нѐкогда
—	2.	принебрегши	пренебрегши
195.	2.	нечего	нѐчего
197.	18.	асли	если
220.	26.	ему	ему,
242.	25.	свомъ	своемъ
250.	6.	пристращатьси	пристращаться
312.	12.	кто,	кто будетъ порицать,
331.	16.	нерадѣніе	нерадѣніе
333.	20.	Сардинецъ презираетъ	Сардинцевъ презираетъ,
338.	5.	зависила	зависѣла
340.	26.	намекаетъ,	намѣкаетъ
—	28.	и	или
341.	3.	разпространилъ	распространилъ
343.	26.	съ	въ
347.	17.	Урсисъ	Урсусъ
351.	12.	нераденіе	нерадѣніе

Стран.	строк.		
352.	16.	силы прибавляется,	силы,
389.	9.	произноситъ	произносятъ
422.	2.	открываетоя	открывается
428.	10.	человѣками.	человѣками?
432.	7.	затменія	затмѣнія
—	11.	Орашора	Оратора
—	21.	Ификою	Иѳикою
447.	18.	не боишся	не боится
455.	19.	о своемъ	о его
458.	16.	безвомѣздія	безъ возмездія
465.	1.	Какъ	Какъ врачъ
476.	6.	стои́тъ	сто́итъ
488.	7.	V	Ѵ
490.	20.	къ словамъ	съ словами